ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

CXVI

ДРЕВНЕРУССКІЯ
СКАЗАНІЯ О ПТИЦАХЪ

СООБЩЕНІЕ

ХРУСАНѲА ЛОПАРЕВА

1896

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

CXVI

ДРЕВНЕРУССКІЯ
СКАЗАНІЯ О ПТИЦАХЪ

СООБЩЕНІЕ

ХРУСАНѲА ЛОПАРЕВА

1896

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Секретарь *В. Майковъ*

Типографія И. Н. Скорогоходова (Надеждинская, 43).

ЛЕОНИДУ НИКОЛАЕВИЧУ

МАЙКОВУ

ПОСВЯЩАЕТЪ

ПУБЛИКАТОРЪ

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/drevnerusskiiask00unse

Характерныя особенности разныхъ птицъ, подмѣченныя уже въ древнѣйшихъ памятникахъ человѣчества, подали поводъ къ иносказательному ихъ примѣненію къ людямъ съ ихъ разнообразнѣйшими характерами. Первоначальною литературною формою для выраженія аллегоріи была басня, изъ которой произошла комедія и сатира; что же касается до основаній для такого пріуроченія, то тутъ видное мѣсто занимаетъ физіологъ.

Птицы наравнѣ со звѣрями басни иносказательно представляютъ тотъ или другой образъ человѣка. Онѣ летаютъ, поютъ, проявляютъ тѣ или другіе присущіе имъ инстинкты, а вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, то между собою, то со звѣрями, то съ человѣкомъ. Георгій Писида въ своемъ „Шестодневѣ" замѣчаетъ: „кто птицамъ языки изьостри, акы арганскіа пѣсни, яко и мнится общимъ баснописцамъ быти въ нихъ разумной бесѣдѣ" [1]). Представителемъ подобнаго рода произведеній на греческой почвѣ былъ, какъ извѣстно, Эзопъ, у котораго находимъ слѣдующій рядъ птицъ: алкіонъ, воронъ, ворона, галка, голубь, гусь, жаворонокъ, журавль, куропатка, ласточка, лебедь, орелъ, павлинъ, пѣтухъ, соколъ (ястребъ, ἱέραξ), соловей и пр. Но басни его не оказали замѣтнаго вліянія на нашу древнюю письменность (до XVII вѣка). Птичья аллегорія изъ басни перешла въ діалогизмъ въ польской литературѣ XVI вѣка (Мик. Рея діалогъ Gęs z kurem), а въ русской литературѣ—въ XVIII вѣкѣ (діалогъ лисицы съ куромъ) [2]).

Басенная аллегорія, принявшая вскорѣ характеръ сатиры, появляется затѣмъ въ извѣстной комедіи Аристофана Ὄρνιθες,

---

[1]) Пам. Др. Письм., 1882, XXXII. 28.

[2]) Повѣсть зело пречюдна о куре и о лисицѣ настоящаго сего нынѣшняго вѣка (рук. Археогр. Комм. 107—162 л. 53).

осмѣивающей сутяжничество Аѳинянъ. Здѣсь поименованы птицы: алкіонъ, водолазъ (гагара? κολυμβίς), галка, голубь, горлица, жаворонокъ, крапивникъ, куликъ (ἐλεᾶς), кукушка, куропатка, морской орелъ (φήνη), павлинъ, пустельга, пѣтухъ, сова, удодъ и мн. др. Нѣкоторыя изъ нихъ являются совѣтницами людей: ворона руководитъ Писѳетеромъ, галка Евелпидомъ и пр. Эти Аѳиняне, избѣгая могущихъ быть процессовъ, отправились къ Тирею (удоду) съ просьбою сказать, какой городъ наиболѣе безопасенъ отъ сутяжничества. Слуга удода, крапивникъ, посовѣтовалъ имъ построить городъ въ воздухѣ, что тѣ и дѣлаютъ и переселяются сюда вмѣстѣ съ птицами. Однако и этотъ воздушный городъ не былъ оставленъ въ покоѣ: аѳинскіе предсказатели и прорицатели и даже землемѣръ Метонъ стали являться сюда съ цѣлью поднять тяжебное дѣло; наконецъ и сами боги явились съ жалобою къ птицамъ.

Говоря о птичьей литературѣ, невозможно пройти молчаніемъ востокъ, страну, въ которой быть можетъ больше, чѣмъ гдѣ либо, сказывалась потребность въ образахъ, картинахъ и аллегоріяхъ. Во главѣ стоитъ индійская Панчатантра (до VI в. по Р. Хр.) и особая ея версія Karataka и Domanaka съ разнообразными редакціями и переводами: пехлевійскимъ, арабскимъ (Kalilah wa Dimnah, VIII в.), персидскимъ (IX—X в., Anwar-i Suhaili XII в., Ayari Danish 1593 г.), греческимъ (Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης XI в.), санскритскими же Kathâ-Sarit-Sâgara и Hitopadesha (XII в.), еврейскимъ (Directorium humanae vitae XIII в.), турецкимъ (Гумайюнъ-Наме XVI в.), славянскимъ (XIII и сл. в.), нѣмецкимъ (XIV в.), французскимъ (1556 г.), англійскимъ (1570), датскимъ (1618 г.), голландскимъ (1623 г.), и т. д. [1]). Въ общихъ чертахъ, во всѣхъ этихъ памятникахъ выводится царь левъ (индійскій царь) со своими совѣтниками—звѣрями и птицами, которые преподаютъ ему совѣты житейской мудрости, морали и политики въ видѣ басенъ. Птичья

---

[1]) Переводныя изданія этихъ памятниковъ указаны Ѳ. Булгаковымъ въ «Стефанитѣ и Ихнилатѣ» (изд. Общества», 1877, XVI); славянскіе списки и редакціи разсмотрѣны А. Викторовымъ въ «Стефанитѣ и Ихнилатѣ» (изд. Общества, 1880—81, LXIV и LXXVIII).

RSCJ/ACU SAVINE

аллегорія на арабской почвѣ не замедлила принять философско-религіозный характеръ, являясь литературною формою для описанія богословскихъ споровъ въ области ислама. Въ X столѣтіи арабскій писатель Schahrazūrī въ своемъ „Спорѣ между человѣкомъ и звѣремъ“ выводитъ на сцену царя Bīvarasp Мудраго, передъ которымъ и происходитъ этотъ споръ. Посолъ Биварасна является къ птичьему царю Schahmurgh, который собираетъ черезъ своего визиря павлина всѣ роды пѣвчихъ птицъ съ суши и съ моря: удода (шпіона), голубя (путеводителя), рябчика (герольда), фазана (пѣвца), жаворонка (оратора), соловья (подражателя), ласточку (архитектора), ворона (предсказателя), журавля (стража) и т. д.; изъ нихъ депутатомъ къ царю Биварасп, посылается ночной соловей, какъ самый краснорѣчивый. Затѣмъ посолъ является къ другому птичьему царю, грифу, который собираетъ хищныхъ птицъ: коршуна, орла, ястреба, сокола, филина, попугая и др., и посылаетъ къ царю Биварасну филина. Въ спорѣ принимаютъ участіе разныя партіи: иракезцы, индіяне, евреи, сирійскіе христіане, кораишиты, греки, хорасанцы, персіяне и т. д.; изъ него выясняется вопросъ о магометанской сектѣ X столѣтія „Чистыхъ Братьевъ“ или „Благородныхъ Друзей“, апологія которой и дается въ сочиненіи [1]). Птичья аллегорія въ XII — XIII вѣкѣ, подъ перомъ Azz-Eddin Elmocadessi, приняла морально-сантиментальное направленіе. Въ сочиненіи „Птицы и цвѣты“ этотъ писатель предложилъ между прочимъ разговоры птицъ: ворона, голубя, грифа, ласточки, павлина, попугая, пѣтуха, совы, сокола, соловья, удода, утки и пр., но всѣ они носятъ отпечатокъ мистическій или спиритуалистическій, составляющій особенность ученія софи о познаніи Бога [2]). То же должно сказать и о литературѣ турецкой, гдѣ птицы аллегорически представляютъ извѣстныя партіи въ богословской и политической борьбѣ между правовѣрнымъ мусульман-

---

[1]) Der Streit zwischen Mensch und Thier, ein arabisches Mährchen übers. von Fr. Dieterici. Berlin 1858, S. 60, 72 и пр.

[2]) Les oiseaux et les fleurs, allégories morales d'Azz-Eddin Elmocadessi. publ. par M. Garcin. Paris 1821, p. 44 sq. Указаніемъ на оба сочиненія мы обязаны любезности барона В. Р. Розена, которому приносимъ глубокую благодарность и за самыя книги.

ствомъ и суфическимъ дервишизмомъ , борьбѣ, достигшею апогея въ половинѣ XVII столѣтія. Въ сочиненіи Бульбуль-наме [1]), докладъ о которомъ читанъ проф. В. Д. Смирновымъ въ засѣданіи Имп. Русскаго Археологическаго Общества 29 февраля текущаго года, представленъ также разговоръ птицъ. Совѣтниками царя Соломона являются кромѣ людей и птицы. Однажды соловей (самка) скрылся въ уединенное мѣсто, куда потомъ прилетѣлъ и другъ ея (самецъ), сперва было отказавшійся отъ этой уединенной прогулки. Воронъ, негодуя на праздно - пріятное проведеніе ими времени, предъявилъ жалобу Соломону. заподозривъ нравственность ихъ поведенія. Лжесвидѣтелями его явились: коршунъ, куропатка, дикій голубь, воробей, попугай, страусъ, соколъ и др. птицы. Соловей былъ позванъ на судъ, и Соломонъ потребовалъ отъ ворона болѣе вѣскихъ основаній для обвиненія соловья. Обвиняемый между тѣмъ доказалъ лжесвидѣтельство, поочередно характеризуя каждую птицу съ очень худой стороны. Окончательному оправданію его способствовали лишь двѣ птицы—ласточка и горленка, давшія самыя лестныя показанія въ пользу соловья, такъ что когда онѣ стали на его сторону, Соломонъ, оправдавъ соловья, осудилъ ворона на яденіе падали. Въ другомъ того же рода турецкомъ сочиненіи *Бульбулійѐ* нѣкоего Бирри-эфенди (начала XVII вѣка), въ рукописномъ сборникѣ Учебнаго Отдѣленія М-ва Иностранныхъ Дѣлъ, № 412, также изображается судебное состязаніе птицъ въ присутствіи Соломона. Дѣло началось сходно съ предыдущимъ. Соловей (представитель суфизма), влюбленный въ розу, удалился и въ уединеніи сладко пѣлъ. Врагъ его воронъ, посовѣтовавшись съ попугаемъ (самымъ ученымъ) и соколомъ (птичьимъ губернаторомъ), привлекъ соловья къ отвѣтственности передъ Соломономъ. Когда обвиняемый явился на судъ, птицы набросились на него, но были призваны къ порядку; тѣмъ не менѣе онѣ выставляли его гордецомъ, пьяницею, разгульнымъ кутилой. Но отъ нихъ потребовали болѣе основательныхъ мотивовъ для обвиненія. Въ виду сбивчивости показаній обвинителей рѣшено было

---

[1]) *Бульбуль - наме* въ турецкомъ подлинникѣ напечатано въ Казани въ 18.. году.

пригласить на судъ куфа (сову), который оказался также представителемъ суфизма и который напалъ на попугая, поддерживаемаго другими птицами. При этомъ обнаружились качества птицъ: соколъ представленъ какъ кровопійца, ястребъ —хищный мясожоръ, орелъ злодѣй, пожирающій падаль, аистъ безвредный дуракъ, куропатка завистникъ, воробей лукавый, плутъ, который воруетъ овесъ, но зато попадаетъ и въ сѣть, и т. д. Соловей въ концѣ концовъ произнесъ пламенную рѣчь (въ защиту дервишизма), рѣшительно подѣйствовавшую на Соломона, и былъ освобожденъ отъ наказанія. Главные истцы: воронъ, ворона, коршунъ и сорока, опасаясь должнаго возмездія, бѣжали, а остальныхъ птицъ чауши разогнали по домамъ.

Съ востока, со временъ крестовыхъ походовъ, птичья литература проникла во Францію, гдѣ нашла себѣ выраженіе въ памятникахъ XII и слѣдующихъ вѣковъ. Въ фабльо о Флорансѣ и Эглантинѣ (иначе Le jugement d'Amour) птицы-бароны засѣдаютъ въ совѣтѣ бога любви (Амура) и присутствуютъ при спорѣ Флорансы, идеалъ которой красавецъ рыцарь, и Эглантины, предпочитающей молодаго клерика. За рыцарей заступается попугай, за клериковъ ястребъ, соколъ, жаворонокъ и особенно соловей; въ результатѣ состязанія наиболѣе достойнымъ обожателемъ объявленъ клерикъ [1]). Въ XIII вѣкѣ въ птичьихъ разговорахъ также обнаруживается элементъ любви: достаточно по этому поводу отмѣтить Le bestiaire d'amour и Li consaus d'amors Ришара де Фурниваля [2]).

Въ нѣмецкой (латинской) литературѣ XVI столѣтія птичья аллегорія усвоена была виттенбергскимъ поэтомъ Іоганномъ Maior (Meier, † 1600). Въ поэмѣ Hortus Libani послѣдній вывелъ современныхъ ему богослововъ подъ видомъ птицъ. Въ другомъ своемъ стихѣ Synodus avium (1557 г.), посвященномъ вопросу о

---

[1]) Fabliaux ou contes, fables et romans du XII et XIII siècle. extr. par *Legrand d'Aussy*. Paris 1829, I³. 306—314; ср. «Исторія французской литературы, по Demogeot и др.» Спб. 1887. I. 144.

[2]) Первый изданъ C. Hippeau (Paris 1860); ср. p. XLI. О птицахъ на «Звонящемъ островѣ» (isle sonnante) въ сатирическомъ смыслѣ см. *Fr. Rabelais*. Oeuvres. Paris 1841 p. 462 sq.

состязаніи филиппистовъ (партіи Меланхтона) и флакіановъ (партіи Франковиція), онъ вывелъ современниковъ въ слѣдующемъ рядѣ птицъ: воронъ, галка, голубь (еп. Вергерій), черный дроздъ (Ник. Амсдорфъ), жаворонокъ (Іог. Матезій), fringilla (Іоах. Камерарій), крапивникъ (Дав. Хитрей), кукушка (Фл. Франковицій), curruca (Іусть Меній или Виттенбергская Академія), лебедь (Март. Лютеръ), лысуха, merops (Іоах. Морлинъ), пѣтухъ (Ник. Галлъ), соловей (Фил. Меланхтонъ), сорока (Викт. Штригель или Іог. Златоковачъ), сычъ, фениксъ (Георгъ Фабрицій), филинъ, щегленокъ, ястребъ, и т. д. Какъ извѣстно, по смерти Лютера (cygnus, 1546) главнаго вожака реформаціи не стало. Между самими протестантами начинался расколъ. Въ 1557 г. къ Меланхтону приходило два посольства съ цѣлью объединенія всѣхъ партій, но согласія не послѣдовало. Однѣ птицы желали имѣть во главѣ религіознаго движенія cuculum (Флакія), другія gallum (Галла), третьи merulam (Амсдорфа), но лучшія, по мнѣнію Maior'a, стояли за philomela (Меланхтона) [1]). Сочиненія Іоганна Maior внесены въ index librorum prohibitorum.

Въ чешской литературѣ XIV столѣтія птичья аллегорія, подъ перомъ Яна Смиля Фляшки изъ Пардубицъ, пріурочена была ко двору Вацлава IV. Въ своемъ Новомъ Совѣтѣ (Nová Rada, 1394—1395 = Theriobulia, Краковъ 1521 и пр.) Смиль представляетъ царя льва и совѣтъ его, состоящій изъ князей и пановъ. „Совѣты звѣрей состоятъ главнымъ образомъ въ общей благочестивой морали", но на ту же тему бесѣдуютъ и птицы: воробей, голубь, горлица, гусь, лебедь, лунь, ногъ, орелъ, павлинъ, попугай, соколъ, соловей, тетеревъ, и пр.; напр. орелъ „проповѣдуетъ о страхѣ Божіемъ съ примѣрами изъ св. писанія, а лебедь заканчиваетъ совѣтъ

[1]) *B. G. Struvius.* Acta litteraria ex mss eruta. Ienae 1706, IV. 17 — 34 съ примѣчаніями Веллера. Слѣдуетъ отличать нашего Maior'a отъ Георга Maior († 1574), также боровшагося съ Амсдорфомъ. Въ исторіи реформаціи этотъ вопросъ почти обходится молчаніемъ; вотъ однако спеціальное сочиненіе: Acta Philippica sive theologorum saxonicorum et legatorum megapolensium frustra tentata pacificatio inter Ph. Melanchthonem et Matthiam Flacium Illyricum...a Joh. Baemeistero. Tubingae 1719.

проповѣдью о страшномъ судѣ; но общая мораль примѣняется иногда ближайшимъ образомъ къ чешскому быту; авторъ въ своей аллегоріи даетъ королю смѣлые и благоразумные совѣты, которые выгодно свидѣтельствуютъ объ общественномъ характерѣ писателя-пана" [1]).

Кромѣ басни, комедіи и сатиры, птицы наравнѣ со звѣрями появляются еще въ греческомъ памятникѣ „Физіологѣ", родиной котораго была Александрія, а время составленія II—III вѣкъ по Р. Хр. Сюда вошли слѣдующія птицы: аистъ, воронъ, нощный вранъ, выпь, голубь, горлица, дятелъ, ибисъ, коршунъ, ласточка, орелъ, павлинъ, пеликанъ, рябь (куропатка), страусъ, фениксъ, харадръ, цапля и др. [2]). Здѣсь характеръ сказаній о птицахъ естественно-историческій. Благодаря своей толковательной части, физіологъ въ греко-римской средневѣковой литературѣ получилъ громадное распространеніе и оказалъ весьма замѣтное вліяніе на другіе византійскіе памятники, напр. на Толковую Палею, на сочиненія извѣстнѣйшихъ отцовъ церкви (Василія Великаго, Григорія Богослова), но былъ весьма мало распространенъ въ древне-русской литературѣ (до XVI вѣка),—наибольшею популярностью пользовалась у насъ толковая Палея, какъ памятникъ церковной (хотя и отреченной) письменности. Въ Палею вошли слѣдующія птицы: алконостъ, воронъ, голубь, горлица, гусь, дятелъ, зегула (гогзуля), ласточка, неясыть, орелъ, пятелъ, рябь, стерхъ, фениксъ, щуръ и пр. [3]). Въ свою очередь Палея вмѣстѣ съ святоотеческими свидѣтельствами послужила источникомъ для древне-русскихъ азбуковниковъ, по которымъ предки наши знакомились съ особенностями нѣкоторыхъ птицъ „отъ писанія". Въ азбуковники вошелъ слѣдующій рядъ птицъ: алконостъ, ласточка, стергъ (неясыть), струѳокамилъ, фениксъ, харадръ [4]).

[1]) Památky staré literatury české, ed. I. Čebauer. Praha 1876, I; ср. *А. Пыпинъ* и *В. Спасовичъ*. Исторія славянскихъ литературъ. Спб. 1881, II. 826.

[2]) *А. Карпѣевъ*. Матеріалы и замѣтки по литер. исторіи физіолога. Спб. 1890; его же Der Physiologus въ Byzant. Zeitschrift, hrsg. von K. Krumbacher, 1894, S. 26 ff.: *Fr. Lauchert*. Geschichte des Physiologus. Strassburg 1889. S. 236 ff.

[3]) Кн. *П. П. Вяземскій*. Собраніе сочиненій. Спб. 1893 стр. 32 и сл.

[4]) *А. Карповъ*. Азбуковники. Алфавиты иностранныхъ рѣчей. Казань 1877 стр. 277—282.

Физіологъ на французской почвѣ существовалъ уже въ XII столѣтіи: отъ 1125 г. мы имѣемъ Бестіарій Филиппа de Thaun, въ которомъ идутъ разсужденія о животныхъ, птицахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ [1]). Въ польской литературѣ онъ извѣстенъ лишь съ 1534 года: въ этомъ году появилось сочиненіе Ст. Фалимира O ziolach y o moczy gich; o paleniuw odek z ziol; o oleykach przyprawianiu; o rzechach zamorskich; o zwierzetach, o ptaczech y o ribach, o kameniu drogim [2]). Образы и картины физіологическаго характера примѣнительно къ разнымъ классамъ и состояніямъ общества существовали на западѣ также съ давняго времени. Такъ въ отношеніи къ церкви примѣнялась голубица (Пѣснь Пѣсн. VI. 8), къ предстоятелямъ церкви—Ноевъ голубь (Быт. VIII. 11) и бдительность пѣтуха (Іовъ XXXIX 1), къ слушателямъ юность орла (Псал. CII. 5) и пріятность соловья, къ подданнымъ шея воробья (Левит. V. 8), къ матери ласточка, къ супругамъ алкіонъ (alcedo) и голубь, къ родителямъ орелъ (Второз. XXXII. 11), къ худымъ родителямъ аистъ, къ учителямъ курица, къ дурнымъ учителямъ гусь, къ лѣнивому ученику попугай, къ господамъ орелъ, къ рабамъ журавль, ко вдовамъ ястребъ, голубь и сорока, къ старикамъ пѣніе лебедя, къ тираннамъ и безбожнымъ начальникамъ коршунъ, орелъ и грифъ, къ бунтовщикамъ аистъ, къ совѣтникамъ ястребъ, къ полководцамъ пѣтухъ и т. д. [3]). Въ польской литературѣ представителемъ подобнаго рода памятниковъ былъ писатель XVI вѣка М. Рей, у котораго физіологическая окраска выразилась

---

[1]) *M. Fr. Mann.* Der Physiologus des Philipp von Thaün. Halle 1884.

[2]) Полное заглавіе у *Th. Wierzbowski.* Polonica XV ac XVI ss. Varsoviæ 1889, I. 19.

[3]) *I. Herrenschmidt.* Multiplici rheticus sub imagine Ianus sive strenographia rhetica. Norimbergae 1625 p. 5 sq. Птичья литература въ греческой и римской пословицѣ собрана *C. S. Köhler.* Das Thierleben im Sprichwort der Griechen und Römer. Leipzig 1881. См. также *O. Keller.* Thiere des class. Alterthums. Innsbruck 1887. Объ аллегорическомъ значеніи птицъ: *I. V. Carus* Geschichte der Zoologie. München 1872, S. 130 ff.; Лаухертъ о. с.; Le bestiaire, das Thierbuch des normannischen Dichters *Guillaume Le Clerc*, hrsg. von *R. Reinsch.* Leipzig 1890, S. 192 ff. Указаніемъ на эти сочиненія мы обязаны И. М. Болдакову, которому приносимъ глубокую благодарность.

въ стихотвореніяхъ на тему, какъ люди представляли себѣ извѣстныя понятія и картины изъ прошлаго времени, jako starych wieków przypadki świeckie ludzie sobie malowali. Такъ льстеца изображали въ образѣ ворона, схватившаго хомяка; мученье безъ вины представлялось въ видѣ ворона, преслѣдующаго голубя и попавшаго въ руки холопа; недовѣріе къ злому—въ видѣ голубей, избѣгающихъ коршуна и ястреба; страхъ передъ смертью въ образѣ поющаго лебедя, безпечность въ жизни въ видѣ журавля, лакомку въ видѣ аиста или бусела (bocian), лгуна и дурака въ образѣ сойки; къ тѣмъ, кто закладывалъ свою свободу, примѣнялась сцена съ соколомъ; надменный дуракъ изображался въ видѣ павлина, непостоянство въ видѣ ласточки, терпѣливость въ образѣ голубя, осторожность въ видѣ орла, трудъ въ видѣ скворца, летающаго по полю, и т. д. [1]). Этого рода литература, какъ кажется, нашла себѣ выраженіе и на русскихъ старыхъ изразцевыхъ печахъ, испещренныхъ подобными картинками съ текстомъ.

Итакъ съ одной стороны птицы басни перешли въ комедію и сатиру, а съ другой онѣ изъ библіи, физіолога и изъ сочиненій отцовъ церкви перешли въ толковую палею и азбуковники и появились на западѣ и въ Польшѣ въ литературѣ общественно-бытовыхъ картинокъ. Нѣчто подобное мы можемъ теперь сказать и въ отношеніи литературы старо-русской, въ которой замѣчается тоже направленіе.

1. Аналогію къ чешской Rada мы имѣемъ въ „Совѣтѣ птичьемъ", дошедшемъ въ двухъ извѣстныхъ намъ рукописяхъ прошлаго столѣтія—въ сборникѣ Имп. Публ. Библ. (О. XVII. 17), указаніемъ и копіей съ котораго мы обязаны Л. Н. Майкову (для краткости П[1]), и въ сборникѣ, принадлежащемъ крестьянину с. Самарова (Тобольской губерніи) Федору Кузнецову, списокъ съ котораго мы вывезли въ поѣздку прошлаго года (для краткости С). Вторая рукопись датирована 1758-мъ годомъ: „1758 году октя-

[1]) *Mik. Rej.* Zwierziniec w ktorym rozmaitich stanow ludzi, żwirzath y ptakow kstalty, przypadki y obyczaye sa wlasnie wypisane... 1562 года, wyd. W. Bruchnalski, Kraków 1895 p. 214 s.

бря 3 дня сия книга Самаровского яму ямъщика Івана Шаламова, писалъ своеручно". Шаламовъ, потомки котораго живутъ въ Самаровѣ и въ настоящее время, былъ человѣкъ богатый и имѣлъ значительныя торговыя связи съ разными мѣстностями. Въ этихъ рукописяхъ содержаніе „Совѣта" не отличается ни полною тожественностью, ни сохраненіемъ одного и того же порядка въ перечнѣ птицъ: въ П[1] 39 птицъ, въ С—35; для лебедя, филина, луня, дрозда и ветвина въ П[1], нѣтъ соотвѣтствія въ С; съ другой стороны, для курицы и куропашки въ С, нѣтъ соотвѣтствія въ П[1]. И если мы положимъ въ основу П[1] и соотвѣтственно съ нимъ расположимъ содержаніе С, то получимъ пять недочетовъ въ С и два въ П[1]. Недочеты эти, конечно, случайнаго свойства [1]) и объясняются тѣмъ, что сказаніе это, прежде чѣмъ оно было записано, долго жило въ устахъ народа, подвергалось и дополненіямъ и случайнымъ сокращеніямъ въ виду самаго свойства изложенія, въ которомъ не замѣчается связи между разсужденіями отдѣльныхъ птицъ: различныя преданія естественно могли дать и иной распорядокъ сказаніямъ, причемъ утрата тѣхъ или другихъ звеньевъ изъ ихъ состава становилась легко возможною.

Критеріемъ для возстановленія текста нѣкоторыхъ частей „Совѣта" является, помимо сличенія двухъ списковъ, та характерная особенность, что птицы въ этомъ сказаніи начинаютъ свои разсужденія со словъ, отчасти сходныхъ въ звуковомъ отношеніи съ ихъ именами или, по крайней мѣрѣ, начинающихся съ той же буквы, какъ данная птица. Напр., *орелъ* первымъ словомъ произноситъ: *о горе*, птица *нагой — наги*, *кречетъ — крепко* и т. д. Однако, въ нѣкоторыхъ сентенціяхъ этого приблизительнаго сходства не замѣчается, почему мы имѣемъ право видѣть тутъ испорченность текста. Напр., *соколъ* по одному списку говоритъ *согрешилъ*, по другому—*крепко согрешитъ*: очевидно, первый правильнѣе втораго; *журавль* говоритъ: *рады мы* (П[1]) и *жадны мы* (С),—правильнѣе второй текстъ; равнымъ образомъ, *рябъ* говоритъ: *че-*

[1]) По всей вѣроятности, сентенція курицы въ П[1] соединена съ сентенціею желны по недосмотру писца.

ловѣкъ (П[1]) и *радъ бы* (С),—очевидно, второе чтеніе болѣе правильно.

Содержаніе „Совѣта“ распадается на двѣ главныя части—на обязанности птицъ (то-есть людей) въ отношеніи къ Богу и на случаи обыденной, бытовой жизни. Къ первому разряду относятся: три сентенціи о покаяніи (1, 2, 6), три о богоугодныхъ трудахъ (3, 4, 5), три о волѣ Божіей (10, 16, 20), двѣ о невольномъ грѣхѣ (7, 38), о избѣганіи зла (12), о исполненіи помышленій (19), двѣ о забвеніи Бога (9, 11) [1]) и двѣ о смертномъ часѣ (14, 15). Второй разрядъ болѣе разнообразенъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ разсужденія: о воровствѣ (13) и неплатежѣ долговъ (22), о недовѣріи (17), лѣности (18, 21), пьянствѣ (24), о глупости и разумѣ (8, ср. 24 С), семь-восемь мыслей о женахъ добрыхъ и злыхъ (27—33), четыре сентенціи о противоположности добраго стараго времени нынѣшнему (23, 25, 26, 39), двѣ о запасливости (36, 37) и двѣ съ картинками изъ боярской жизни (34, 35).

Если Животный Совѣтъ во всемірной литературѣ, какъ видно изъ вышесказаннаго, есть извѣстнаго рода пріемъ для дидактическаго изображенія характерныхъ особенностей, богословской или религіозной борьбы партій того или другаго народа въ данную пору, то позволительно думать, что и на русской почвѣ этотъ Совѣтъ есть литературный отголосокъ какого-то прошлаго, бытоваго или религіознаго движенія русскаго народа. Зная о связи его съ восточными и славянскими аналогіями, мы вправѣ допустить, что памятникъ этотъ дошелъ, безъ начала, или, вѣрнѣе, безъ той вступительной части, въ которой должно было сообщаться о предсѣдателѣ совѣта и о поводѣ собранія птицъ. Эта часть потеряна, повидимому, въ давнее время, и птицы въ „Совѣтѣ“ уже только бесѣдуютъ между собою, даютъ совѣты другъ другу, а не предсѣдателю.

Что касается до основныхъ источниковъ „Совѣта“, то мы должны напередъ оговориться, что нашли далеко не всѣ ихъ;

---

[1]) Разсужденіе соловья можно, пожалуй, отнести и ко второму разряду, къ женскому вопросу.

трудность ихъ отысканія зависитъ, по всей вѣроятности, отъ компилятивнаго характера сказанія: возможно, что для каждой отдѣльной сентенціи первоисточники взяты изъ разнообразной свѣтской литературы, изъ пословицъ и поговорокъ, нынѣ уже совсѣмъ неизвѣстныхъ, изъ сказокъ, быть можетъ, изъ пѣсенъ и т. д., но для нѣкоторыхъ можно подыскать источники письменные, книжные. Такъ, напр., орелъ въ „Совѣтѣ" высказываетъ слѣдующую сентенцію: „О, горе намъ, братія! много мы согрешаемъ, а мало каемся, и за то нынѣ всего у насъ Богъ умалилъ, а сверхъ того за грѣхи будетъ мука вечная". Въ чешской Rada орелъ говоритъ предсѣдателю собранія (p. 47): aby v tvém srdci nemylně měl vždy na paměti boha, который móžt' věčný život dáti, také do pekla poslati. Почему именно орелъ, а не какая-либо другая птица, говоритъ о необходимости покаянія? Отвѣтъ на это слѣдуетъ изъ того, что первоисточникомъ, посредственнымъ источникомъ для этой сентенціи является Физіологъ: „орелъ (ἀ-ετός) нарицается ради многолѣтствія своего...; и ти убо, мысленый человѣче, егда многая съгрѣшиши, взыди на высоту сирѣчь пріиди в совѣсть свою" [1]). Какъ Физіологъ совѣтуетъ человѣку согрѣшившему покаяніе, такъ и „Совѣтъ птичій" приводитъ къ тому же. Но въ виду того, что сходство въ обоихъ памятникахъ не буквальное, слѣдуетъ полагать, что непосредственнымъ источникомъ „Совѣта" является въ данномъ случаѣ не Физіологъ собственно, а памятники, переработавшіе основанное на немъ преданіе. Замѣтимъ здѣсь, что по одному тексту читается: „и за то нынѣ *всего* у насъ Богъ умалилъ", по другому: „і за то нынѣ у насъ Богъ умалилъ": полагаемъ, что здѣсь слово *всего* ошибочно, такъ какъ въ виду текстовъ Физіолога здѣсь по смыслу должно стоять *вѣку* или *дни* [2]): орелъ живетъ до 100 лѣтъ, но такъ

---

[1]) *А. Карнѣевъ*, 196, XXIII; Byzant. Zeitsch. 1894, S. 39; *Lauchert*, 236—7: βάπτισαι τρὶς ἐν τῇ ἀεννάῳ πηγῇ τῆς μετανοίας. Съ понятіемъ объ орлѣ соединяется мысль объ очищеніи отъ грѣховъ (Іовъ IX. 30); по сербскому Физіологу (Starine, XI), возрастъ орла знаменуетъ грѣхи.

[2]) Въ Притчѣ объ Акирѣ: «да не умалится число дней твоихъ» (Пам. стар. русск. литер., I. 360).

какъ, говоря словами притчи объ Акирѣ Премудромъ, „птица царь орѣлъ и зло затворилъ“ [1]), много согрѣшилъ, то поэтому Богъ умалилъ *число лѣтъ его жизни*; онъ осужденъ на вѣчную муку и сознаетъ необходимость покаянія. Затѣмъ воронъ говоритъ: „Воры крадутъ, (замки) ломаютъ, животъ чужей уносятъ, да мало имъ удачи бываетъ: какъ ихъ поимаютъ, такъ бьютъ и увѣчатъ, въ приказъ отводятъ, о томъ ихъ рвутъ [2]) и пытаютъ и въ розыскахъ жгутъ и мучатъ“. Почему именно ворону приписана мысль о ворахъ или разбойникахъ? Отвѣтъ слѣдуетъ изъ Физіолога о воронѣ: „аще муское слово не воздремлетъ ни уснеть..., к тому ни внидуть разбойници в разумное твое сердце“ [3]): опять мы видимъ, что сентенція „Совѣта“ косвенно произошла изъ Физіолога. Вотъ еще одинъ примѣръ. Дятелъ разсуждаетъ: „Дати взаймы, такъ не платитъ, а не дати, — то хотятъ силою отняти: лутче отлетѣть и чюжа сторона спознать“. Въ основѣ этой мысли о переходѣ отъ недоступнаго къ иному предмету, могущему быть доступнымъ, лежитъ опять легенда Физіолога о дятлѣ: „аще убо человѣкь немощень и безсръдечень есть, то (дьяволъ) входить вонь въгнѣздяся ту; аще же всердечень есть и цѣлъ будетъ, скоро убѣгаеть и ко другимь възвращается“ [4]). Что касается до самой сентенціи, то она съ успѣхомъ можетъ быть объяснена изъ другихъ однородныхъ памятниковъ—рафлей и „Сказанія о молодцѣ и о дѣвицѣ“: „аще на комъ долгъ взяти, и ты возмешъ, то ко хлопотно“ [5]); „здѣся жить не почто... (лутче) познать чюжа сторона“ [6]). Изъ приведенныхъ выписокъ можно заключить, что „Совѣтъ птичій“ есть своего рода Физіологъ, но только безъ его существенной части — характеристики птицы; нравоученіе птицы

[1]) Тамъ же, I. 360.

[2]) Терминъ *рвутъ* (мучатъ) пѣсеннаго происхожденія: «знаю время сколь способно страсти силу перервать; чрезъ то буду я способна и себя не стану рвать» (рук. Тверск. музея, № 7157—5157, n° 98).

[3]) *А. Карнѣевъ*, 316.

[4]) *А. Карнѣевъ*, IX, XXXII.

[5]) Пам. стар. русск. лит., III. 165.

[6]) Пам. Др. Письм., XCIX. 20.

напоминающее мораль Физіолога, замѣняется здѣсь иногда бытовыми картинками. Что „Совѣтъ“ написанъ подъ вліяніемъ не самого Физіолога, а другихъ, зависящихъ отъ него памятниковъ, доказывается еще и тѣмъ соображеніемъ, что въ Физіологѣ есть нѣсколько и другихъ птицъ, общихъ съ „Совѣтомъ“ (рябъ, куропатка, коршунъ), но онѣ имѣютъ мораль совсѣмъ отличную отъ морали нашего памятника.

При разборѣ сентенцій другихъ птицъ приходится обращаться къ инымъ источникамъ. Такъ, съ понятіемъ о сказочной и пѣсенно-былинной птицѣ нагоѣ [1]) связано представленіе о пищѣ и одеждѣ: „Нагой рече: Наги мы, братие, родились; всего намъ Богъ далъ— пищу и одежду; тако написано“, и пр. Понятіе это извлечено изъ Толковой Палеи и зависимаго отъ нея Изборника XIII вѣка. Разумѣемъ разсказъ о пророкѣ Даніилѣ, несшемъ хлѣбы и похищенномъ ногомъ. „То же не гриппъ восхити его, рекше ногъ, но свыше посланная сила Божія, да и пророчу бѣду и мѣсто видитъ и душу его тщу и алчющу брашна насытитъ, пославъ ему до обилія“ [2]).

Соловей не только вслѣдствіе нѣкотораго созвучія съ именемъ царя Соломона, но и въ силу необходимости въ этомъ имени, связующемъ Совѣтъ съ другими литературами, разсуждаетъ на тему о совращеніи Соломона въ идолопоклонство и объ отступленіи отъ него Бога. Путемъ Физіолога намъ не объяснить этой сентенціи, ибо въ немъ нѣтъ и самаго названія этой птицы; напротивъ, мысль раскрывается изъ апокрифическихъ памятниковъ и отцовъ церкви. Въ одномъ словѣ о злыхъ женахъ читаемъ: „Соломонъ... жены послушавъ отступль отъ Бога жены жъ ради, і сей бысть шедъ въ церковь идольскую поклонися идоломъ и покади я на старость разгнѣвавъ Бога... О томъ убо свидѣтельствуя пророкъ Малахѣи и Офонасей отецъ, іже истолкова псалтырь, и Данилъ преподобный, Антіохъ, великій книжникъ, ижъ Пандокъ составивъ, и Памфосъ отецъ святый и

---

[1]) Нагой, по другому варіанту наговъ, обыкновенно нагуй и пр. См. о немъ наше «Слово о нѣкоемъ старцѣ». Спб. 1890, стр. 16, и еще Посланіе Климента Смолятича къ Ѳомѣ, изд. 133 Н, 30 Л.

[2]) Клименъ 133 Н, 30 Л = Изборникъ XIII в. (133 Н).

Тимофей (иже?) упрѣлъ Акулу жидовина и крестилъ, и іни ся мнози свидѣтельствуютъ о Соломоне, яко отступле отъ Бога, погибе люте женою прелщенъ“ [1]).

Куропатка высказываетъ слѣдующее сужденіе: „которой человекъ худой добро знаетъ, и добрыхъ людей научяетъ; а дикихъ не сеютъ, не орютъ, сами родятца“. Сентенція эта основывается на очень древней пословицѣ.

Съ понятіемъ о журавлѣ въ „Совѣтѣ“ связывается мысль о теплѣ: „жадны мы, братие, теплому лѣту и теплымъ днямъ; далъ бы намъ Богъ два лѣта безъ зимы!“ Замѣтимъ здѣсь выраженіе: „жадны мы теплому лѣту“: въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ въ томъ же значеніи употреблено выраженіе: „жадни веселія“ [2]). Источникомъ этой сентенціи были, какъ кажется, пословицы: „И журавль тепла ищетъ“, „одна у журавля дорога—на теплыя воды“, „журавль прилетѣлъ и теплынь принесъ“, „стало тепло, такъ и журка прилетѣлъ, а онъ говоритъ: я принесъ“ [3]). Впрочемъ, трудно сказать, зависитъ ли мораль „Совѣта“ отъ пословицъ, или, наоборотъ, о литературной зависимости не можетъ быть рѣчи, разъ мы допустимъ, что сентенція одинакова по древности съ приведенными поговорками.

Синица и сова высказываютъ довольно курьезныя вещи: „Съ сеней княжна боярская (?) упала, заголя гузно лежала и всехъ насъ смехомъ насмешила. Совалися бояра, что бояриня съ сеней упала, оголя гозно лежала“. Почему именно къ синицѣ и совѣ приноровлены эти скабрезныя картинки? Отвѣтъ слѣдуетъ прямой: потому, что обѣ эти птицы, по народному представленію, являются аллегоріею распутныхъ женщинъ. Синица, синька, прямо называется б. . . . . [4]); совой называется корчемная, то-есть тоже непотребная женщина. Текстъ обѣихъ рукописей испорченъ, съ успѣхомъ исправляется онъ и объясняется изъ народныхъ лубочныхъ картинокъ

[1]) Рукоп. изъ моего собранія, XVII в., л. 184; ср. Пам. стар. русск. лит. III. 70; II. 466; *И. Порфирьевъ*. Апокриф. сказанія о ветхозав. лицахъ, стр. 241.

[2]) *Тихонр.* [2], 7.

[3]) *Даль*.

[4]) Пам. Др. Письм. 1878—1879, стр. 93; у насъ 16, 19; ср. *Ровинскій*, IV. 238.

*

XVIII вѣка. Здѣсь мы имѣемъ новый текстъ къ недошедшему до насъ забавному листу, содержаніе котораго по извѣстнымъ двумъ варіантамъ составляетъ „Помѣха въ любви“. Нѣкій человѣкъ склонилъ одну госпожу къ своей волѣ и „с почтеніемъ на стулъ ее посадил, где і начелъ было дело іспрaвляти, себя і ее забавляти. Ажно внезапу пришелъ человѣкъ под окно: і увидя такое дело в окно, вдрукъ в окно крепко застучалъ, к тому жъ громко закричалъ. Чево онъ іспугавшись стулъ отпихнулъ: і тако барыню с стула столкнулъ, которая на полъ упала і поднявши к верху ноги стала, чему онъ не мало дивился“ [1]). Текстъ къ иной картинкѣ слѣдующій: „видя эдакую драку лутче лежать оголя с...у; жаль одну только бѣдняжку, что лежитъ огля ляшку“ [2]). По забавному народному листу XVIII вѣка, господинъ усаживаетъ барыню на стулъ; любопытный пугаетъ влюбленныхъ, стулъ валится и парочка оказывается въ различныхъ позахъ. Здѣсь боярыня находилась въ сѣняхъ [3]); въ моментъ потѣхи парочка была испугана цѣлою компаніею бояръ, которые затѣмъ совались въ окна поглядѣть, какъ боярыня упала и лежала оголя гузно, и смѣялись надъ своею проказою.

Мысли по женскому вопросу составлены подъ вліяніемъ Пчелы, Даніила Заточника, пословицъ и другихъ источниковъ. Такъ, сентенція иволги и пѣтуха: „не надобно и доброй жене верить и тайныя сказывать“ и „пеняй тотъ мужъ самъ на себя, которой дастъ жене своей наперво волю и свою ей скажетъ правду“ стоитъ въ зависимости отъ слѣдующихъ мыслей: „женѣ злѣ ничего тайны не повѣждь“ [4]), „во всемъ житии (три) раскаянья суть: первое, оже кто женѣ своей тайну (свою) исповѣсть“ [5]), „лучши есть во утлѣ ладьѣ по водѣ ѣздити, нежелѣ злѣ женѣ тайны повѣдати“ [6]). Разсужденіе желны „жена мужу Богомъ покорена“ напоминаетъ притчу

---

[1]) *Д. Ровинскій.* Русскія народныя картинки, I. 357.

[2]) *Д. Ровинскій*, IV. 239.

[3]) Непонятно, какъ это сѣни или съ сѣней упала боярыня.

[4]) Моей рукоп. XVII в., л. 219.

[5]) *В. Семеновъ.* Пчела. Спб. 1893, стр. 234 (ἐπὶ τῷ γυναικὶ πιστεῦσαι λόγον ἀπόρρητον).

[6]) Даніилъ Заточникъ, изд. Калайдовича, стр. 238.

о женской злобѣ, въ которой Богъ говоритъ Евѣ: „отнынѣ буди ты покоренъна мужу своему во всемъ“ [1]). Къ другой сентенціи иволги вполнѣ подходитъ современная пословица „худо мужу тому, у котораго жена большая въ дому“ [2]), а къ разсужденію пѣтуха слово Іоанна Златоустаго о злыхъ женахъ: „жена зла і лѣнива і проныр-лива дасться мужу за грѣхи“, „язычна жена и ленива за грѣхи мужу дасться“ [3]).

Мы далѣе не идемъ въ отысканіи источниковъ „Совѣта“: это дѣло будущихъ изслѣдователей издаваемаго памятника, а обратимся ко второму сказанію о птицахъ.

II. Сочиненіе это извѣстно пока въ четырехъ рукописяхъ (двѣ сообщены намъ Л. Н. Майковымъ): Археографической Коммиссіи (А), № 53 [4]), Имп. Публ. Библ. ($П^2$) О. XVII. 55, Имп. Общ. Люб. Др. Письм. (О), Q. XVIII, изданной въ „Памятникахъ Древней Письменности“ (1878—1879, стр. 92—94) и собранія П. И. Щукина (Щ), изд. А. Яцимирскимъ въ „Описи стар. славянск. и русск. рукоп. П. Щукина“. М. 1896, стр. 55. $П^2$ не имѣетъ ни начала, ни конца; заглавія въ трехъ другихъ спискахъ, нѣсколько отличающіяся другъ отъ друга, говорятъ намъ, что этотъ памятникъ есть „Слово“ или „Сказаніе“, хотя ни съ внѣшней, ни даже съ внутренней стороны онъ не отличается чѣмъ-либо совершенно особымъ отъ разсмотрѣннаго „Совѣта“. Уже изъ одного этого заглавія видно, что А написано на южно-великороссійскомъ нарѣчіи, близкомъ къ малорусскому и западно-русскому, тогда какъ О (подобно $П^2$ и Щ) написанъ на коренномъ русскомъ языкѣ. Въ А есть нѣсколько западнорусскихъ названій птицъ, не находящихся ни въ $П^2$, ни въ О (зозуля, трипутень, сорокопудъ, буселъ и пр.), и наоборотъ: ясное свидѣтельство того, что „Слово о птицахъ“ было одинаково распространено въ разныхъ частяхъ Россіи и въ

[1]) Пам. стар. русск. лит. II. 462.

[2]) *Даль*, 394.

[3]) Моей рукоп. XVII в., л. 215 об., 216 об.

[4]) *Н. Барсуковъ*. Рукописи Археографической коммиссіи. Спб. 1882, стр. 39—41.

каждой мѣстности принимало свой особый характеръ и отпечатокъ. Неудивительно послѣ этого, что всѣ четыре списка значительно разнятся между собою и по объему, и по расположенію сентенцій, и, главное, очень часто по мыслямъ, вложеннымъ въ уста той или другой птицы. Такъ, въ А 78 птицъ, въ неполномъ П²—34, въ О—30. Такъ, дятелъ говоритъ по А одно, по П² другое, по О третье; ворона говоритъ по А одно, по П² другое; дроздъ говоритъ по А одно, по О другое.

Столь большая разность въ рукописномъ преданіи четырехъ списковъ „Слова“ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о фактѣ когда-то большой распространенности памятника, имѣющаго извѣстную связь съ „Совѣтомъ“. Мы не говоримъ уже о внѣшней формѣ обоихъ сочиненій: оба они написаны по одному шаблону и много имѣютъ общаго въ своемъ содержаніи. Такъ, значительная часть „Совѣта“ посвящена вопросу о женахъ; но этотъ же вопросъ отчасти затрагивается и въ „Словѣ“. Равнымъ образомъ и такіе вопросы, какъ о крестной смерти Христа, о грѣхахъ, о будущемъ судѣ и о покаяніи, разбросанные въ Совѣтѣ и Словѣ, роднятъ между собою эти сказанія. Что же касается до бытовыхъ картинъ и отдѣльныхъ птичьихъ характеристикъ, то тутъ, конечно, нельзя требовать однообразія: въ Совѣтѣ боярыни блудятъ, пойманные воры допрашиваются въ приказахъ, гдѣ ихъ рвутъ и мучатъ,—это, такъ сказать, особенности великорусскія; въ Словѣ являются немилостивые паны, въ полномъ подчиненіи, въ неклѣ которыхъ находятся птицы, желающія отъ нихъ выкупиться,—это особенности западнорусскія.

Разсматривая сказаніе о птицахъ въ его цѣломъ, мы наталкиваемся на рядъ птичьихъ сентенцій, которыя кажутся предосудительными въ наше время, тѣмъ болѣе онѣ были предосудительны прежде. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Лебедь говоритъ: „Богъ нашь на небесѣхъ опочиваетъ“, по другой редакціи: „великъ у насъ Богъ на небеси, а не на земли“; цапля говоритъ: „що вы безумныи говорите, ижъ Богъ нашъ на самомъ небѣ опочиваетъ, а я и сегодня була у Бога“; чайка говоритъ: „у бѣса ти була, а не у Бога“. Подобныя мысли слишкомъ отзываются апокрифическимъ или отречен-

нымъ характеромъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, не есть ли Слово о птицахъ сочиненіе отреченнаго направленія? Въ немъ есть несомнѣнные слѣды апокрифовъ, проникшихъ въ народное міросозерцаніе и усвоенныхъ въ формѣ преданій и повѣрій. Таково сказаніе объ Іудѣ. По византійской рукописи 1066 г., по Псалтири Барберини XI в. и по Mystère de la Passion, Іуду поднялъ на веревкѣ (снуркѣ) на висѣлицу (дерево) чортъ; по южнорусскимъ сказаніямъ, осина при видѣ предателя нагнулась сама собою [1]). Напротивъ, по нашему Сказанію, по мнѣнію сорокопуда, „покинувъ Іуда сребныки и *злѣзъ на дерево* и задавився"; отзвукъ оригинальнаго апокрифа, отличающагося, при отсутствіи всего чудеснаго, наибольшею естественностью. Или, напр., по Mystère de la Passion, въ платьѣ Іуды спрятана была птица; въ моментъ смерти его птица, иносказательно изображающая душу, улетѣла [2]); по миніатюрѣ Британскаго музея, на томъ дубѣ, на которомъ виситъ Іуда, видна птица, кормящая птенцовъ въ гнѣздѣ; по Мюнхенской библіи XII — XIII в. и по Mater Verborum XII в. къ повѣсившемуся Іудѣ прилетаютъ два ворона (или сидятъ у него на плечѣ) [3]). Сентенція нашего коростеля, въ моментъ смерти Іуды сидѣвшаго въ хворостѣ и видѣвшаго Спасителя распятымъ на крестѣ, опять-таки оригинальна и, очевидно, одного и того же происхожденія, что и западно-русскія преданія о ласточкѣ и воробьѣ: „якъ жыды Хрыста роспыналы, то ластівкы крылы въ іхъ цвяшчы", а воробьи кричали: „живъ, живъ", когда Христа мучили [4]).

„Апокрифическимъ сказаніемъ, говоритъ г. Сперанскій, мы, по настоящему, назовемъ такое, которое упомянуто въ индексѣ и (или?) если мы докажемъ, что это писаніе именно то, которое упоминаетъ индексъ" [5]). У насъ на Руси уже съ весьма давняго времени суще-

---

[1]) *С. В. Соловьевъ.* Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ. Харьковъ, 1895, стр. 90, 93, 81, 78.

[2]) Матеріалъ для отлета души въ видѣ птицъ собранъ въ моемъ «Самаровѣ», Спб. 1896 [2], стр. 18.

[3]) *Соловьевъ*, стр. 81, 89, 91, 92.

[4]) *Чубинскій*, I. 1, стр. 59.

[5]) Труды VIII археологическаго съѣзда. Спб. 1895, II. 39.

ствовалъ списокъ каноническихъ и запретныхъ книгъ, приписываемый Іоанну экзарху Болгарскому, вошедшій въ Кормчую и съ нѣкоторыми измѣненіями повторяемый и въ послѣдующее время,— списокъ до-Зосимовскій, Зосимовскій (XV в.), Книги Кирилловой (XVII—XVIII в.) и т. д. Въ этомъ спискѣ въ числѣ апокрифовъ названъ, между прочимъ, „чаровникъ, въ нихъ же вся 12 опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ“: 1) тѣло свое хранитъ мертво, 2) летаетъ орломъ, 3) ястребомъ, 4) ворономъ, 5) дятлемъ, 6) (совою) и шестью звѣрями [1]); затѣмъ упоминается „волховникъ, волхвующе птицами и звѣрми“, куда вошли: 1) храмина трещитъ, 2) ухозвонъ, 3) воронограй, 4) курокликъ [2]); далѣе „пòточникъ (птичникъ) различныхъ птицъ“ [3]) и, наконецъ, присоединены еще: „сорока пощекочетъ, дятель, желна“. „Слово о птицахъ“ не подходитъ ни подъ чаровникъ, ни подъ волховникъ, ни даже подъ отдѣльный инвентарь—сороки, дятла и желны; стало быть, можно допустить, что оно и есть именно тотъ памятникъ, который въ отреченномъ спискѣ названъ „пòточникомъ различныхъ птицъ“. И дѣйствительно, „Слово“ представляетъ собраніе различныхъ птичьихъ мыслей, различныхъ птицъ, что вполнѣ совпадаетъ съ опредѣленіемъ указателя о ложныхъ книгахъ. Итакъ, нынѣ отыскался, повидимому, еще одинъ отреченный памятникъ русской литературы, оставшійся неизвѣстнымъ Тихонравову и другимъ ученымъ.

Указатели ложныхъ книгъ карали лицъ, читавшихъ запретныя книги: духовное лицо извергалось изъ сана, свѣтское предавалось проклятію, а самая книга сжигалась. Любопытно, что и нашъ памятникъ тоже послужилъ предметомъ опалы. Въ 1679 г. 15 марта, вѣроятно, по сдѣланному доносу, священникъ Входо-Іерусалимской церкви въ Переяславлѣ Рязанскомъ, Моисей, боярскій сынъ Уразовъ и подъячій духовнаго приказа Тимофей Вонифатьевъ явились въ деревню Лушки, въ домъ Василья Михайловича Колачева и, пересмотрѣвъ всѣ его книги, нашли нѣсколько *непристойныхъ пи-*

---

[1]) *Калайдовичъ.* Іоаннъ экз. Болгарскій. М. 1824, стр. 211; *А. Пыпинъ*, въ Лѣтоп. занятій Археогр. Комм., I. 42 и сл.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

семъ, которыя и отвезли въ Переяславль Рязанскій. Въ числѣ конфискованныхъ книгъ находилась „тетрадь въ десть скорописная: Сказаніе о птицахъ, четыре листа, да канонъ Михаила Малеина, да Преніе жидовина съ крестьяна“ [1]). Дальнѣйшая судьба дѣла неизвѣстна, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, если Колачевская рукопись была сожжена.

Итакъ, если допустить тожество пòточника съ Совѣтомъ и Словомъ о птицахъ, то мы должны полагать, что сказаніе о птицахъ въ такомъ или другомъ видѣ существовало у насъ уже въ глубокой древности. Дѣйствительно, оно, подобно нѣкоторымъ сказкамъ и другимъ памятникамъ народной словесности, сохранило въ себѣ нѣсколько чертъ, по крайней мѣрѣ, XII столѣтія. Сюда относится прежде всего нѣсколько пословицъ, пережившихъ слѣдующія стадіи въ своемъ развитіи:

а) [Тема: „воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы“ (Матѳ. VI. 26=Пчела)].

„*безумныхъ* бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рожаютъ“ (XII вѣка: Даніилъ Заточникъ).

„*дикихъ* не сеютъ, не орютъ, сами родятца“ (нашъ Совѣтъ птичій).

„*глупыхъ* не орють, не сеють, сами ся родять“ (Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ).

„*дураковъ* ни орутъ, ни сѣютъ, а сами родятся“ (современная: *Даль* 469).

Въ этой пословицѣ менѣе важно чтеніе *ся родятъ* или *родятся*, хотя наиболѣе древняя форма есть первая; особеннаго же вниманія заслуживаетъ народное переживаніе важнѣйшаго понятія пословицы, отмѣченное здѣсь курсивомъ. Слово *безумныхъ*, равно какъ и *въ житницы собираютъ* — понятія книжныя, свидѣтельствующія, что въ XII вѣкѣ пословица, мірская притча еще не успѣла отрѣшиться отъ книжности своего происхожденія; но какъ скоро она сдѣлалась достояніемъ народа, связь ее съ литературнымъ источникомъ тотчасъ была порвана.

---

[1]) *А. И Пискаревъ*. Древнія грамоты и акты Рязанскаго края. Спб. 1854, стр. 30, 31.

б) [Тема: „Всю тварь (τὸ ποίημα) приведетъ Богъ на судъ“ (Соломонъ=Пчела 297)].

„ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути“ (XII вѣкъ: Слово о полку Игоревѣ) [1]).

„суда де Божія ни хитру уму, ни горазну не минути“ (XII вѣкъ: Даніилъ Заточникъ).

„придется намъ на судѣ стояти“; „какъ намъ безумнымъ и грешнымъ явитися предъ Богомъ?“ (наше Сказаніе о птицахъ).

„ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату Суда Божьяго не миновать“ (Современная: *Даль*: судить).

в) [Тема: Притча о сѣятелѣ (Матѳ. XIII. 4: пріидоша птицы и позобаша я); „подобно ти сѣянью жатва“ (Григорій Нисскій= =Пчела 300)].

„что посѣешь, то и пожнешь“; „что посѣемъ, то и пожнемъ“ (наше Сказаніе о птицахъ).

„что кождо сѣетъ, то и пожнетъ“ (XVI вѣкъ: Максимъ Грекъ, II. 395; III. 177).

„что посѣешь, то и пожнешь“ (современная).

г) [Тема: воля Божія].

„да не на нашемъ збудетца“ (Совѣтъ птичій).

„да не на насъ збудетца“ (Слово подъ именемъ Іоанна Златоустаго, нашей рукоп. XVII в. л. 340).

„якоже Богъ повелитъ, тако и будетъ“ (XII вѣкъ: Даніилъ Заточникъ: *Калайд*. 234).

„какъ Богу надобно, такъ и будетъ“ (Совѣтъ птичій).

„что Богъ дастъ, то и будетъ“ (Сказаніе о птицахъ).

„такъ буде, якъ Богъ дасть“ (западно-русская: *Чубинскій*. Труды экспедиціи, I. 2. стр. 234).

„какъ Богу угодно“; „коли Богъ велитъ“ (современныя: *Даль*).

---

[1]) «Ни птицю горазду», по мнѣнію А. Потебни (Слово о полку Игоревѣ. Воронежъ 1878 стр. 131—132), есть позднѣйшая вставка. Въ видѣ аналогіи, этотъ ученый приводитъ примѣры изъ народной словесности: (бѣдствія не пропускали) «ни звѣря рыскучаго, ни птицы летучей», «олень быстръ бываетъ, да отъ смерти не убѣгаетъ»; Н. Тихонравовъ припоминаетъ еще «суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати».

Кромѣ этихъ пословицъ въ Сказаніи о птицахъ есть и другія, вѣроятно столь же древнія, именно:

Подъ лежачій камень и вода не подтечетъ,

вѣкъ коротается (ср. „вѣци скратиша“ XII в.),

на весь міръ не угодить,

у бабы волосы долги, а умъ коротокъ, и пр.

Древностью отзываетъ и упоминаніе о гибельныхъ междоусобіяхъ при Ростовскомъ озерѣ, которое, по понятіямъ жителей, съ давняго времени сдѣлалось вѣщимъ палладіумомъ Ростовскаго княжества, предвѣщая ему разныя несчастія; такъ было и прежде, такъ повторилось и въ XV вѣкѣ [1]). Извѣстно, что Москва со временъ Калиты стала скупать села Ростовской земли [2]); извѣстно также, что Ростовскіе князья не разъ ссорились и воевали между собою и Москва всякій разъ вмѣшивалась въ ихъ дѣла и постепенно усиливала тамъ свое вліяніе; такъ было въ 1281 и зимою 1363 года [3]). Идея междоусобія ясно выражена въ сентенціи курохтона: „я ничего не знаю и только я и знаю, какъ мы деремся на Ростовскомъ озере промежу собою, а не знаемъ про что“. Таже мысль, по справедливому замѣчанію Д. Ровинскаго, лежитъ и въ основѣ сказки о Ершѣ Ершовичѣ Щетинниковѣ: „Дана память Ростовскаго озера губному старостѣ большой рыбѣ севрюгѣ съ товарищи: Въ прошлыхъ де годѣхъ 7110 явясь на судъ, челобитчики Ростовскаго озера рыба лещь“ съ товарищи жаловались на Ерша, что онъ пришелъ къ нимъ въ Ростовское озеро зимою и рѣшился имъ завладѣть [4]).

Этимъ мы и могли бы закончить оборѣніе сказаній о птицахъ. Но обозрѣніе было бы неполнымъ, если бы мы упустили изъ виду пѣсенныя сказанія, старинки. Необходимо сказать два слова и объ этихъ памятникахъ, имѣющихъ извѣстную связь съ разсмотрѣнными сказаніями. Пѣсни эти поютъ о птицахъ на морѣ, о заморскихъ птицахъ. Здѣсь разговариваютъ всего двѣ птицы, а осталь-

---

[1]) *Карамзинъ*, VI. 9 пр. 8.

[2]) *Карамзинъ*; IV. 151.

[3]) *Карамзинъ*, IV. 81; V. 3. пр. 2.

[4]) *Д. Ровинскій*. Русскія народныя картинки. Спб. 1881, IV. 275.

нымъ отъ одного лица дѣлается лишь краткая характеристика. Такова извѣстная пѣсня „За моремъ синичка не пышно жила“, таковъ птичій чиновникъ или, какъ онъ названъ въ рукописи Имп. Публ. Библотеки (О. XVII. 17), „чины на мори разнымъ великимъ и малымъ птицамъ“.

„За моремъ синичка“ составляетъ особое сочиненіе о птицахъ, приноровленное всего къ одному вопросу—о выборѣ женихомъ невѣсты. Въ немъ еще сохранилось указаніе на то, что, въ разговорѣ принимали участіе всѣ птицы: „стали всѣ птички межъ собой говорить“, но на дѣлѣ разговоръ ведется только отъ одного имени—снѣгиря или, какъ въ Самаровскомъ варіантѣ, отъ имени снѣгиря и совы. Можно думать, что когда-то эта пѣсня содержала въ себѣ болѣе или менѣе полный списокъ птицъ, но съ теченіемъ времени цѣлый рядъ ихъ утратился изъ народной памяти. Въ пѣсенникѣ 1819 года 10 птицъ, у Сахарова 9, въ Самаровскомъ варіантѣ хотя тоже 9, но здѣсь нѣтъ дрозда, за то является галка [1]).

Болѣе разнообразія представляетъ послѣдняя группа пѣсенъ о птицахъ на морѣ, въ которыхъ птицами обозначаются различныя людскія должности и занятія. Вполнѣ XVII вѣкомъ отзываютъ пѣсни подъ №№ 497, 498 и 500 собранія Соболевскаго; тутъ мы встрѣчаемъ царя, бояръ, гусельниковъ, холоповъ, стряпчихъ, торговыхъ гостей, атамановъ, разбойниковъ, крестьянъ, донскихъ казаковъ, бобылей безпомѣстныхъ и цѣловальниковъ; тутъ мы встрѣчаемъ игуменовъ, поповъ, монаховъ, дьячковъ, пономарей и трапезниковъ; тутъ еще нѣтъ ни одной сколько нибудь рѣзкой черты, напоминающей XVIII столѣтіе. Птичій чиновникъ Имп. Публ. Библіотеки есть памятникъ сводный изъ двухъ разнаго времени пѣсенъ. Сначала дается слѣдующая группа свѣтскихъ и духовныхъ лицъ: 1) царь, князь, воевода, бояринъ, дворянинъ, міряне, купцы, крестьяне, казаки, солдаты, разбойники и воры, лекаря, плотники, мельники, цѣловальники, ворожейки, повивальная бабка;

[1]) *И. Сахаровъ.* Сказанія русскаго народа. Спб. 1841. I. 3. стр. 36; наше «Самарово, село Тобольской губерніи» (Спб. 1896², стр. 127—128). Мы не говоримъ здѣсь о такихъ сказаніяхъ, въ которыхъ птицы изображаютъ походку, головную боль и разные другіе случаи—въ пѣсенныхъ сравненіяхъ (*Сахаровъ*, I. 3, стр. 28, 43, 125, 131—132 и пр.).

2) владыко, епископъ, архимандритъ, игуменъ, попъ, монахи, подъячій (иподіаконъ?), псаломщикъ, трапезникъ, пѣвчій, просвирня. Какъ кажется, эта часть пѣсни болѣе древняя, XVII вѣка; къ ней присоединена позже пѣсня, въ которой появляются: губернаторы, полицмейстеры, адъютанты, ландраты, коммиссары, фульеры, ефрейторы, навигаторы, штурманы, и масса другихъ: здѣсь мы видимъ уже Петровское и позднѣйшее время. Прошлымъ столѣтіемъ отдаетъ и отъ №№ 496 и 499 собранія Соболевскаго вмѣстѣ съ Тверскимъ варіантомъ пѣсни. На ряду съ воеводою и другими лицами, отъ коихъ вѣетъ еще XVII вѣкомъ, появляется уже и графиня, и французское платье, и колымага, и коляска и журавъ петербургскій.

Какой же смыслъ разсмотрѣнныхъ нами сказаній о птицахъ? Подобно баснѣ, сказкѣ и Физіологу, сказанія эти подъ видомъ великихъ и малыхъ птицъ выводятъ на сцену различные классы человѣческаго общества, начиная съ князя (царя) и епископа и кончая самымъ послѣднимъ подмастерьемъ; различныя профессіи, начиная съ должностнаго лица и купца и кончая разбойникомъ. Великія птицы, высшій классъ древне-русскаго общества, отличается широкими замашками, полнымъ господствомъ, деспотизмомъ надъ низшимъ классомъ. „Баба мовитъ: Мы птахи великіе, всѣхъ бы птахъ малихъ позабывали“; „соколъ мовитъ: Ой вы худые птахи!.. Я царь царемъ, высоко летаю и птахи побиваю“; „гарагулець мовитъ: Усѣ птахи мене боятся“. Малыя птицы, низшій классъ общества, находятся въ вѣчномъ рабствѣ и темницахъ у господъ, отъ которыхъ ожидаютъ своей гибели. „Хохотва мовитъ: За нашу немилость напустивъ на насъ Богъ пановъ немилостивыхъ“; „перепелець мовитъ: Уже намъ отъ тыхъ урадовъ и многихъ пановъ прійдется погинути“; „Янчукъ мовитъ: Гды вкинетъ камень въ окіянъ-море, гды той камень зъ мора вирне, тогды намъ съ пекла выйты“; „снѣгирь мовитъ: Якъ тому каменю зъ мора не вийти, такъ намъ съ пекла не вийти“. Малыя птицы исполнены рабскаго повиновенія великимъ птицамъ, которыхъ впрочемъ онѣ не любятъ и мечтаютъ о своемъ освобожденіи отъ нихъ посредствомъ выкупа. „Янчукъ мовитъ:

Мы птахи маліе все до купи ся збырали, Господу Богу молили, а отъ васъ бы ся боронили". Однако не всѣ холопы такого мнѣнія: нѣкоторые изъ нихъ настолько обжились въ рабствѣ, что съ удивленіемъ спрашиваютъ: какъ же намъ быть безъ пановъ? кто же будетъ судить наши тяжбы? „Дрохва мовитъ: Коли бь у насъ пановъ не было, а насъ бы не карано, то одынъ другаго хыба бь забывали"; „случева мовитъ: Коли у насъ пановъ не будетъ, хто насъ будетъ судити?" И когда находятся люди изъ ихъ же класса, желающіе стать посредниками и судьями ихъ, они остаются не признанными. Тѣмъ не менѣе симпатіи читателя на сторонѣ малыхъ птицъ, низшаго класса общества, какъ ни жалко оно по тупости, воровству, пьянству и разврату; можно думать, что изъ среды народа и могло появиться это сказаніе. Въ чемъ же крестьянинъ находилъ утѣшеніе противъ произвола помѣщика? Въ религіи. Онъ разсуждалъ: я грѣшенъ, дай-то, Боже, мнѣ оправдаться на Страшномъ Судѣ; но вѣдь и великія птицы, высоко и быстро парящія, наши паны, также не уйдутъ отъ Божьяго суда. Встрѣтивъ заморскую птицу, чужестраннаго человѣка, русскія малыя птицы для разрѣшенія своихъ горькихъ недоумѣній, спросили ее: „Скажи намъ всю истинную правду, скажи ты намъ про вѣсти морскія: кто у васъ на морѣ большіе? кто у васъ на морѣ меньшіе?" Несчастныя, онѣ думали, что и тамъ, за океаномъ, живутъ также господа и холопы; но что же онѣ выслушали? „Глупыя вы, русскія пташки! всѣ птички на морѣ большія, всѣ птички на морѣ меньшія" [1]). Въ чужихъ земляхъ оказывается такимъ образомъ равенство сословій, котораго не было на Руси.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мы имѣемъ теперь старый народный аллегорическій и апокрифическій памятникъ словесности, въ которомъ поставленъ соціальный вопросъ о правахъ человѣка. Духовная власть и свѣтское правительство не могло не отнестись къ сказанію подозрительно, и вотъ почему оно попало въ число запретныхъ книгъ и подверглось конфискаціи.

---

[1]) *А. И. Соболевскій.* Велико-русскія народныя пѣсни. Спб. 1895, I. 583.

I.

ПТИЧЕІ СОВЕТЪ,

како они межъ собою говоріли.

(Рук. Имп. Публ. Библ. О. XVII. 17 л. 78—85).

1. Орелъ рече: „О горе намъ, братия! много мы согрешаемъ, а мало каемся, і за то нынѣ всего у насъ Богъ умалилъ, а сверхъ того за грѣхи будетъ мука вечная!“

2. Нагой рече: „Назы мы, братия, родилися, а Богъ намъ далъ пищу і одежду: тако написано; нынѣ намъ надобно Богу молитися, о грехахъ своихъ каятися, и Богъ насъ помілуетъ“.

3. Лебедъ рече: „Лежа намъ, братия, добра не нажить, а горя не избыти, спасения не получити, і в дому господиномъ не слыти: надобно работати Богу и добрымъ людемъ, такъ і сыты будемъ“.

4. Кречетъ рече: „Крепко мы, братия, спимъ, а рано ложимся, работать ленимся, да еще бы намъ

СОВЕТЪ ПЪТИЧЕЙ;

между собою говорятъ.

(Рук. Ѳ. Кузнецова въ с. Самаровѣ Тоб. губ.).

1. Орелъ рече: „Горе намъ, братие; м(н)ого согрѣшающи, а мало кающся, і за то нынѣ у насъ Богъ умалилъ, а сверъхъ тово намъ будетъ мука вечьная“.

2. Наговъ рече: „Наги мы, братие, родились; всего намъ Богъ далъ: одежьду и питие; тако і питайтеся, живите правъдиво, чтобъ жалобы не было; то Богу любо і добры люди похъваляютъ“.

4. Кречетъ рече: „Крепъко мы, братие, спимъ, до позъда, рано ложимъся, да еще бы намъ

далъ Богъ добра! Ведаете, что подъ лежачъ камень мало вода подходитъ".

5. Павлинъ рече: „Питайтеся, братия, своею силою, а за чужее не имаітеся; живите правдою: то і Богу угодно, а отъ людей честь и слава".

6. Соколъ рече: „Согрешилъ кто тяшко, тотъ тяшко і кается; въ нынѣшния времена мало правды; а мне первому какъ птицы не убить, такъ і сытому не быть".

7. Ястрепъ рече: „А я, братія, і неволею согрѣшаю: люди меня поімаютъ да на птицу пущаютъ; нелзя что і не послушать: во что Богъ не поставитъ?"

8. Гусъ рече: „Глупому да и бѣзумному добра не нажить і богатства не видать, а разумному вездѣ добро, милость отъ людей честь и слава".

9. Селезень рече: „Се намъ, братия, далъ Богъ всего много, да сами мы отъ Бога отступули (sic) і диаволу работаемь, в томъ и жизнь свою коротаемъ".

10. Тетеря рече: „Тепере мы, братия, говоримъ много, да не

Богъ далъ добра! а ведаемъ то, чтобъ под лежащей камень и вода не подътечетъ".

3. Павикъ рече: „Питайтеся, братие, своею силою, а за чюжо не имайтеся, живите правъдиво, чтобъ жалобы не было; то Богу любо і люди похъваляютъ".

7. Соколъ рече: „Крепко, тяжько согрешитъ тотъ, тяжько и каетъца; въ нынешьное последьнее время правды нетъ; а мъне какъ пътицы не убить, то и сыту не быть; видитъ Господь Богъ мое жаръкое летание".

8. Ясътрепъ рече: „Азъ, братие, и неволею согрешаю: людие меня поимаютъ да на птицы посылаютъ и съпущаютъ; а не послушатца—во чьто Богъ поставитъ?"

5. Гусь рече: „Глупому да безумъному добра не нажить, а богатъства Богъ не дасъ; разумному везъде добро: отъ Бога милость, а отъ людей честь и сълава".

6. Селезенъ рече: „Се намъ, братие, всего Богъ далъ, да сами мы отъ Бога отступили, дияволу работаемъ".

25. Тетеря рече; „Теперь мы, братие, много удумали, да не на

нашемъ станетца: какъ Богу надобно, такъ і будетъ".

11. Соловей рече: „Соломонъ царь жены послушалъ, кобылицу травяную зделалъ, ідоламъ на жертву отдалъ".

12. Воробей рече: „Ворогъ тотъ человѣкъ самъ себѣ, которой возмется за ходое дѣло, а худо и давно за него примется".

13. Воронъ рече: „Воры крадутъ, ломаютъ, животъ чужей уносятъ, да мало имъ удачи бываетъ: какъ іхъ поимаютъ, такъ бьютъ і увечатъ, в приказъ отводятъ, о томъ ихъ рвутъ і пытаютъ і в розыскахъ жгутъ і мучатъ".

14. Грачъ рече: „Градъ рушится, векъ коротается, а смертный часъ приближается".

15. Гагара рече: „Горе намъ, братия, ожидаючи смертнаго часа: праведніи радуютца, а грешніи плачутъ, ожидаютъ муки вечныя".

16. Сычъ рече: „Сыщетъ Богъ безъ насъ праваго і виноватаго, а намъ нечего прежде Бога судить: хто что себѣ уготовалъ, тому то і будетъ".

17. Филинъ рече: „Фома-апостолъ безверный Богу, а неверие

нашемъ збудется: какъ Богу надобно, такъ и будетъ".

35. Соловей рече: „Соломонъ царь жены послушалъ, кобылицу древянную зделалъ, ідолу на жертву принесъ,—отступилъ отъ него Богъ".

20. Воробей рече: „Ворокъ тотъ человекъ, которої имаетца мимо добра за худо; а худо и давно за нево".

21. Воронъ рече: „Воры крадутъ, замки ломаютъ, животъ чюжої уносятъ, да мало имъ удается: какъ поімаютъ, бьютъ и увичятъ".

18. Грачь рече: „Градъ рушится, вѣкъ коротается, смертный часъ приближается".

19. Гагара рече: „Горе намъ, братие, ожидающаго смертнаго часа: праведные радуютца, а грешныі плачютъ".

31. Сычь рече: „Сыщетъ Богъ безъ насъ правова и виноватова, а намъ прежде Бога нечево судить".

его всему миру верно і спасенно учинилось".

18. Жеравль рече: „Рады мы, братия, теплому лету и теплымъ днямъ; помолимся Богу, чтобы далъ Богъ лето безъ зимы".

19. Чайка рече: „Чаетъ всякъ себѣ милости Божіи; кто что мыслитъ, то тому Богъ і подастъ: доброму — добро, а худому — худо".

20. Скворецъ рече: „Скоро вы, братия, удумали, да не скоро збудетца: какъ Богу надобно, такъ і будетъ".

21. Снигирь рече: „Снеги пали, а у лениваго ленивца нѣтъ ни шубы, не сермяги; какъ ему будетъ зама (sic) зимовать?"

22. Дятелъ рече: „Дати взаймы, такъ не платитъ, а не дати, то хотятъ силою отняти: лутче отлетети — чужую сторону познати".

23. Лунь рече: „Лукавому человеку в нынѣшния годы і жить, а с правдою і простою душею нечево соватца".

24. Попугай рече: „Попы стали пьяницы, а крылашана— бражники: чемъ бы людей учить і унимать, а они сами дурно творятъ, а простые люди, на ихъ же глядя, живутъ і до-пьяна пьютъ".

28. Журавель рече: „Жадны мы, братие, теплому лѣту и теплымъ днямъ; далъ бы намъ Богъ два лѣта безъ зимы!"

9. Скворецъ рече; „Скоро вы, братие, много удумали, да не на нашемъ збудетца: какъ Богу надобно, такъ и будетъ".

26. Снигирь рече: „Снѣги пали, а у ленивыхъ нетъ не шубы, не серьмяги; какъ имъ будетъ зима зимовати?"

27. Детелъ рече: „Дать взаймы, да не пълатятъ.—силоі хотятъ отнять; а лутче отлететь и чужа сторона спознать".

23. Попугай рече: „Попы стали пьяницы, а крылашана стали бражьники; чемъ бы имъ людеі учить кротости,—а люди, на нихъ же глядя, живутъ".

25. Рябъ рече: „Человѣкъ добра не делаетъ, да и поучить ево некому, а самъ не догадаетца“.

26. Дроздъ рече: „Древния люди были разумные: і Богу угодили, і намъ образъ оставили, какъ жить, а мы добра не перенимаемъ, а дурно без учения знаемъ“.

27. Чеглокъ рече: „Чего ради намъ, братия, много говоритъ? лутче на одно положитъ: надобно жить, какъ бы жена хорошая нажить“.

28. Чечетка рече: „Чего ради жены с мужьями своіми одне живутъ, а холостыхъ к себѣ не припускаютъ?“

29. Галка рече: „Галитца худой мужъ надъ доброю женою; Богъ ему далъ, да не умеетъ самъ с нею жить“.

30. Сорока рече: „Судорога тотъ человекъ, а не мужъ, которой жены не слушаетъ і не веритъ і в пиръ не отпущаетъ і добрую жену сушитъ: за грехи далъ ей Богъ такого худого мужа“.

31. Иволга рече: „І волная жена, братия, худо, которая мужа не слушаетъ: какъ ей дать волю, і она мужа болше будетъ;

22. Рабъ рече: „Радъ бы иноі человекъ и добро делалъ, да поучить его некому, а самъ не догодатца“.

10. Чеглокъ рече: „Чего намъ, братие, много говорити? лутче на одно положити: надобно тужить, какъ бы жена нажить.

11. Чечетка рече: „Чего ради, братие, мужья жена? оне живутъ, а холостыхъ не принимаютъ, то весьма дурно“.

12. Галъка рече: „Галитца худой мужь надъ доброю женою; Богъ ему далъ, да не умеетъ самъ с нею жить“.

13. Сорока рече: „Судорога тотъ человекъ, а не мужь, которої жены своей не слушаетъ и не веритъ и в пиръ не отпущаетъ и добрую жену сушитъ; а за грехъ Богъ дастъ жене худова мужа“.

14. Іволга рече: „І волная, братие, жена худо: какъ ей дать волю, и она болѣ будетъ своего мужа“.

*

а не надобно і доброй жене верить і тайныя сказывать: в бесчестие скоро мужа приведетъ".

32. Петухъ рече: „Пеняй тотъ мужъ самъ на себя, которой дастъ жене своей наперво волю і свою ей скажетъ правду, а после не можетъ с нею управитца; а у меня і много женъ, да и тутъ я с ними управляюсь і воли імъ не даю; а бываетъ и то, что за грехи Богъ дасть мужу жену злую".

33. Желна рече: „Жена мужу Богомъ покоренная и всему наученная, а злая жена мужу бесчестие приноситъ".

34. Синица рече: „С сеней княжня боярская упала, заголя гузно лежала і всехъ насъ смехомъ насмешила".

35. Сова рече: „Совалися бояра, что боярыня с сеней упала, оголя гозно лежала".

36. Пелепелка рече: „По полю гуляла, сена косила, в копны возила, в стоги метала: будетъ себѣ і добрымъ людямъ на целое лѣто".

37. Ронжа рече: „Рожь в житницу собирала, животъ надсажала и сама не видала, і тако голодно пребывала".

15. Петухъ рече: „Тотъ самъ мужь ворокъ, которой дастъ наперво жене своей волю и правду ей скажетъ; и она ево боле будетъ, а онъ послѣ с неі управитца не можетъ; а у меня много женъ, да я имъ воли не даю; а бываетъ то: за грехи Богъ даетъ мужу злую жену".

16. Желъна рече: „Жена мужу Богомъ покорена и добрымъ мужемъ во всемъ научена".

17. „Правду ты, курица, сказала, что злая жена мужу безчестие принесетъ".

29. Синица рече: „Сени княжие упали, бояра слѣтели, оголя гузна лежали, всехъ насъ смехомъ насмешили".

30. Сова рече: „Совали боляра, что боярыни упали, оголя гузна мяли (?)".

32. Пелепелка рече: „По полю ходила, сено косила: будетъ себе і добрымъ людемъ".

33. Ронжа рече: „Рожь сею, въ житницу собираю: будетъ себе і добрымъ людемъ".

38. Коршунъ рече: „Кормлюся безъ хлеба—одною рыбою, а чужева не хощу, да и тутъ меня недобрымъ человѣкомъ зовутъ: і на то нечево смотреть: на весъ миръ не угодить; а какъ цыпленка не убить, такъ і сыту не быть“.

39. Ветвинъ рече: „Говорите, братцы, а слушать у васъ нечево: я самъ далеко летаю, высоко сажуся, много всего видаю, а некому не сказываю; в нынѣшнихъ в последнихъ временахъ у людей правда вывелась: хотя не слышатъ—тако слышатъ, і не видятъ—тако видятъ; нинѣшние люди что старые беси, вострыя шапьки, кривыя хвосты; і по моему худому разуму, лутче менше говорить, такъ болше похвалы.

Конецъ.

34. Коршунъ рече: „Кормлюся, братие, одною рыбою без хлеба, а чужева не хощу взять; да и тутъ меня зовутъ недобрымъ человекомъ; а на то, братие, нечево смотреть: на весь миръ не унаровить“.

24. Куропашька рече: „Которой человекъ худой добро знаетъ, и добрыхъ людей научяетъ; а дикихъ не сеютъ, не орютъ, сами радятца“.

II.

а)

СЛОВО О ПТИЦЯХЪ НЕБЕСНЫХЬ,

ꙗкъ почали житы, о Христѣ бесѣдоваты, а грѣхи свои споминаты.

(Рук. Археогр. Коммиссіи, № 53, стр. 364—373).

1. Напередь гусь мовитъ: „Хто Бога видѣлъ?“

2. Лебѣдь мовитъ: „Богъ нашь на небесехъ опочиваетъ“.

3. Чапля мовить: „Що вы безумныи говорите, ижъ Богъ нашъ на самомъ небѣ опочиваетъ, а ꙗ и сегодня була у Бога“.

4. Чайка мовитъ: „Отъ тобѣ голеню довги же, плюсовая двигунко, у бѣса ти була, а не у Бога, ꙗкъ нѣкто Бога не можетъ видѣты“.

5. Ластовица мовитъ: „Богъ въ тріехъ лыцехъ прославляется“.

6. Утка мовитъ: „Такъ, такъ, сестро моꙗ, правду ты мовишъ“.

7. Соловейко мовитъ, на деревѣ сѣдаючи, веселенко спѣваючи: „Іудо злочестивый, продалъ есы Христа за 30 сребныковъ, купивъ еси себѣ муку вѣчную“.

8. Сорокопудь мовитъ: „Покинувъ Іуда сребныки и злѣзъ на дерево и задавився“.

9. Коростѣль мовитъ: „В' той часъ ꙗ сидѣлъ в' хворостѣ и видѣлъ Христа, распятаго на крестѣ“.

10. Чмовжъ мовитъ: „Распяли есте за насъ грѣшныхъ“.

11. Дроздъ мовитъ на жыды: „Для чого вы Христа мордовали и на деревѣ Его распинали и кровъ Его розливали?“

12. Ворона мовитъ: „Кровъ, кровъ на жидовъ и на чадѣхъ ихъ!“

13. Голубь мовитъ: „Уже конець вѣку приходытъ“ [1]).

14. Иволга мовитъ, на верхъ дерева сыдячи: „И тое вѣдѣла, коли слонце змѣнылося, мѣсяць въ кровъ премѣнысся, коли жиды Христа мучили и вины на Его складали“.

15. Жайворонокъ мовитъ, високо лѣтаючи, а хорошенко спѣваючи: „И мнѣ было велмы Христа жаль“.

16. Лунъ мовитъ: „Умерти намъ прійдется за наше безаконіе“.

17. Буселъ мовитъ: „Въскресеніемъ своимъ увесь народь с пекла вислободилъ“.

18. Трипутень мовитъ: „Пріидетъ Богъ на землю судити живихъ и мертвихъ и дасть комуждо по дѣломъ его“.

19. Баранокъ мовитъ: „Посадыль бы насъ Богъ со избраными своими одесную Себе стояти, коли бь добріе дѣла чинылы“.

20. Селіезень мовитъ: „Що намъ за добріе дѣла чыныты, щобь намъ до рая, до рая доступити“.

21. Соловейко мовитъ: „Тіе намъ дѣла чыныты: постъ, молитвы и милостыня даваты, то на насъ Богъ будетъ милостивій“.

22. Куптя мовитъ: „Не велми милостивій на насъ“.

23. Хохотва мовитъ: „За нашу немилостъ напустивъ на насъ Богъ пановъ немилостивыхъ“.

24. Дрохва мовытъ: „Коли бь у насъ пановъ не было, а насъ бы не карано, то одынъ другаго хыба бь забывали“.

25. Баба мовитъ: „Мы птахи великіе, всѣхъ бы птахъ малихъ позабывали“.

26. Янчукъ мовитъ: „Мы птахи маліе все до купи ся збырали, Господу Богу молили, а отъ васъ бы ся боронили“.

27. Пава мовитъ: „На свѣтѣ птахи кращой над мене не машъ“.

28. Индыкъ мовитъ: „Дурная птахо, хвалися“.

29. Мартинокъ мовитъ: „Тимъ она хвалиться, що при вельможахъ живетъ“.

30. Сусѣдка мовитъ: „Не будешъ ти за тое свята хиба проклята“.

---

[1]) *Далѣе въ рукописи повтореніе*: «Изволга мовитъ: Уже конець вѣку приходытъ».

31. Крачокъ мовитъ: „Ꙗ мудрая птаха, да не хвалюся, що люде сѣтю ловятъ, а ꙗ тое и без сѣтки уловлю“.

32. Черетянка мовитъ крачку: „Ловишъ ти, ловишъ, коли тебе чортъ уловитъ, та до пекла поведетъ“.

33. Постулга мовитъ: „Чи много намъ у пеклѣ мучитися и буты?“

34. Ꙗнчукъ мовитъ: „Гды вкинетъ камень в окіянъ-море, гды той камень з мора вирне, тогды намъ с пекла выйты“.

35. Снѣгирь мовитъ: „Ꙗкъ тому каменю з мора не вийти, такъ намъ с пекла не вийти“.

36. Щуръ мовитъ на снѣгира: „Не великій есы птахъ, мой есы братъ, але слово твое великое и мудрое: правду ти мовишъ“.

37. Горлица мовитъ: „Богъ нами будетъ справовати“.

38. Случева мовитъ: „Коли у насъ пановъ не будетъ, хто насъ будетъ судити?“

39. Синыца мовитъ: „Ꙗ жона разумная и хорошая и на всемъ роскошная. ꙗ васъ буду судити“.

40. Воробець мовитъ: „Не подобаетъ женамъ старихъ мужей судыти: знай ты, жунка, кудель да гребень, та дома сидячи прасти, щобь своимъ голимъ тѣломъ не свѣтила“.

41. Чирка мовитъ на оробця: „Не почичиркуй ти на насъ всѣхъ, броварныку закуптѣлій бѣсе, такій же ти бѣсь, ꙗкъ же ꙗ: попивъ чужій конопелки, ꙗкъ же и ꙗ“.

42. Чижикъ мовитъ: „Не велми бо есте цнотогивіи, коли бь есте такъ мешкали, ꙗкъ мой братъ, албо дѣдь, ѣдали и пивали да чужихъ конопель не пивали“.

43. Ивулшанка мовитъ: „Прійдется намъ за ныхъ присягаты, що оны пивали и ѣдали чужое доброе“.

44. Перепець мовитъ: „Дурная птахо, сама себе до присяги приводишъ“.

45. Пудверенокъ мовитъ: „Сами воны себе осудятъ, ꙗкъ бѣси завидливіе на чужое доброе“.

46. Сакша мовитъ: „Ꙗ над тими птахами ключныца буду, которіи у вирей пускати и сама за ними ухожаю“.

47. Сорока мовитъ: „Я естемъ заклятая птаха и завидливая на чужое доброе: яица крала и рибу в чоловѣка съ човна хватала що мнѣ на томъ свѣтѣ будетъ?“

48. Плиска мовитъ на сороку: „Пропасть тобѣ будетъ на томъ свѣтѣ“.

49. Зозуля мовитъ: „Я естемъ птаха грѣшная и з ыншымы обцовала и блудь чыныла, да рано вставала и до позна ковала, то я въже грѣхи свои спокутовала: добре вже мнѣ на томъ свѣтѣ будетъ“.

50. Лисыца мовитъ: „Мука тобѣ на томъ свѣтѣ будетъ по твоихъ злихъ дѣлехъ“.

51. Пѣвень мовитъ: „Охъ-те мнѣ, бѣда мнѣ! пришолъ часъ и конець: хотятъ мя зарѣзати и вложити мя в горнець“.

52. Удудь мовитъ: „Хто будетъ въ Христа вѣрити, той избавленъ будетъ отъ муки вѣчной“.

53. Дятелъ мовитъ: „Я нѣкого не збавлю нѣчого, тилко отъ поту душу свою пытаю“.

54. Жолна мовитъ зеленая: „Мы с тобою на семъ свѣтѣ мучимся, а нѣ осуждаемъ“.

55. Чорная мовитъ на зеленую: „Мучися ти, але людемъ шкоду чинышъ, не тилко людемъ, але и Богу, и пчелы выбираешъ“.

56. Галка мовитъ: „В корчмѣ не бували, пива не пивали, да рано ѣдали, празныковъ не знали: прійдется намъ на судѣ стояти“.

57. Гай воронъ мовитъ: „Есть бо вамъ за що на судѣ стояти: що я увесь день борозною хожу с працею великою, а вы тое и без працѣ уживаете“.

58. Сова мовитъ, на пнѣ сыдячи: „А мнѣ нѣкого такъ не жалъ, якъ того луня“.

59. Лунь мовитъ: „Совухно моя, жонухно моя, изми ти кувшъ великій да набери ты пива, да перепійти до мене, а я до тебе: якъ поп'емося, то ми всего лыха забудемо“.

60. Селезень мовить: „Брате мой луню, уже бо я отъ того пива охрипъ: не могу уже добре и говорити“.

61. Кажань мовитъ: „Приимѣте и мене до себе и упишѣте

мене въ кныги животнія до живота своего; не знаю бо, хто мене сотворивъ: если Богъ, то людемъ на посмѣхъ, а если чортъ, то его братъ, бо я не птахъ; когда мишочій судь будетъ, то ꙗ буду птахою, а коли пташый судь будетъ, то ꙗ буду мишею".

62. Гоголица мовитъ: „Мы не знаемъ, куды насъ Богъ обернетъ: коли бь над намы Богъ змыловався да насъ у рай упустивъ".

63. Орелъ мовитъ: „Я царь над ца(ря)мы".

64. Соколъ мовитъ: „Я князь над князямы".

65. Яструбь мовитъ: „Я вашъ чи не братъ?"

66. Поліовикъ мовитъ: „Я вашъ чи не гетманъ?"

67. Рабець мовитъ: „Я птаха не великая, тилко огровне лѣтаю, за тое собѣ проклятство маю отъ тыхъ птахъ малихъ".

68. Сычъ мовитъ: „Я вашь чи не маршалокъ?"

69. Сычъ мовитъ: „Панове, князове, по ночи лѣтаю, а хорошенко спѣваю: приимѣте мене до себе за музыку, бо вамъ без музыкы не пробути".

70. Соя мовитъ: „Я сѣмъдесятъ ꙗзыковъ умѣю: буду я у васъ толмачемъ, бо вамъ безь толмача не пробути, а другого такого нѣкого приняти".

71. Яструбь мовитъ: „Нехай цару бо вамъ без толмача не пробути, а другого такого не машъ".

72. Яйстеръ мовитъ: „У мене чоботы чирвоніи, а сукня чорная: чи не бувъ бы я в васъ войтомъ?"

73. Гарагулець мовитъ: „Усѣ птахи мене боятся, а кропивянки по кропивѣ ховаются".

74. Пугачъ мовитъ: „Я у васъ ураду жадного не хочу: дайте мнѣ асавулство".

75. Щыгликъ мовитъ: „Я у васъ ураду не хочу жадного: дайте мнѣ урадь надъ малою птахою".

76. Перепелець мовитъ: „Уже намъ отъ тыхъ урадовъ и многихъ пановъ прійдется погинути".

77. Куликъ мовитъ: „А мнѣ день за день ближше ко смерти, бо я колись пропаду за тими врадами".

б)

(Рук. Имп. Публ. Библ. О. XVII. № 55 л. 68—72).

1. *ти намъ отъ техъ похвалниковъ".

2. Пава молвитъ: „Охъ намъ грѣшнымъ! кто можетъ разсудити?"

3. Синица молвитъ: „Изъ васъ розсужу".

4. Воробей молвитъ: „Ты же, синица—худая птица, не подобает тебѣ судити".

5. А синица молвитъ: „А ты, воробей, не почиркивай!„

6. Галица молвитъ: „Какъ намъ безумнымъ и грешнымъ явітися предъ Богомъ?"

7. Лугьвица молвитъ: „Пиво есми пивали, а с корчмы не бывали: за то намъ грешнымъ погинуті будетъ".

8. Сорока молвитъ: „И птица грешная: что мнѣ будетъ по моим деломъ?"

9. Плишка молвитъ: „Мука тебѣ будетъ по твоимъ дѣломъ".

10. Дятелъ молвитъ: „Изъ есми никого не обижу".

11. Желна молвитъ: „Богъ будетъ судити".

12. Пелепелка молвитъ: „Разве Бога кому судити?"

13. Снегирь молвитъ: „Богу все на воле Его будетъ".

14. Щегля молвитъ: „Самогласныя, что изволишъ—рай или муку?"

15. Чижъ молвитъ: „Луче намъ рай, а вечная мука не надобе".

16. Коростелъ молвитъ: „Праведнымъ рай, а грѣшнымъ мука вечная".

17. Ѳилинъ молвитъ: „Что посѣешь, то и пожнешь".

18. Гаржихристъ молвитъ: „Горе намъ будетъ за наше беззаконьство".

19. Аистъ молвитъ: „Что есте прежде Бога судите и гадаете: что Богъ дастъ, то и будетъ".

20. Клестъ молвитъ: „Горе намъ будетъ за наше беззаконство".

21. Баба молвитъ: „Я бы и была с вами в̆ думе, да думы моее не любятъ“.

22. Зуй молвитъ: „По деломъ твоее бабьи думы не любятъ: у тебя, баба, волосы долги, а умъ коротокъ“.

23. Мартышка молвитъ: „На что мнѣ умъ? толко бы мнѣ была по истокомъ рыба“.

24. В̆юша молвитъ: „Летаю я высоко, гляжю далеко“.

25. Кривецъ молвитъ: „Всякъ разуменъ вся пр...., а гьлуповонетъ“.

26. Гусь молвитъ: „Азъ есми крестьянин̆ Божей: ничего не знаю, толко я и знаю — овесъ зобаю“.

27. Курохтонъ молвитъ: „Я ничего не знаю, толко я и знаю, какъ мы деремся на Ростовскомъ озере промежу собою, а не знаемъ про что“.

28. Малиновка молвитъ: „Сажуса я на малиннике: люди меня не видятъ, а гласъ мой всемъ славенъ“.

29. Борашко молвитъ: „Уже бы я залетелъ отъ техъ похвальниковъ“.

30. Грачъ молвитъ: „И такъ мы не вместе живемъ“.

31. Тетеревъ молвитъ: „А я вамъ всемъ не товарищъ: ничево не думаю“.

32. Зогоска молвітъ: „Я птица грешная: гнезда своего не розумею, а детей своихъ николи не знаю“.

33. Сова молвитъ: „Добрая жена — высокие брови, болшие глаза: в дне я не вижу, а в ночи летаю, ничево не знаю: толко бы мнѣ были петушки да курочки, то я и знаю“.

34. Ворона молвитъ: „Я птица грѣшная, серокрылая, ничево не знаю, толко и знаю — по дорогамъ летаю да соры розбиваю.

Во веки аминь.

в)

СКАЗАНІЕ О ПТИЦАХЪ НЕБЕСНЫХЪ,

какъ почали жити и быти, о Христѣ тужити, грѣхи своя воспоминати, вѣкъ свой провожати, Христа прославляти.

(рук. О. Л. Д. П. Q. XVIII л. 311 об.—314).

1. Гусь молвитъ, вверху летячи: „Кто Бога видилъ, каковъ Онъ образомъ есть?“

2. Сорока молвитъ: „Я вчера у Бога была и съ Богомъ говорила; нынече я буду мѣлкихъ птицъ судити“.

3. Овсянка молвитъ: „Ой ты сорока блядь! полно, ты у чорта была, а не у Бога“.

4. Журавль молвитъ: „О, худыя птахи! я васъ подороднея и повыше вашего летаю, и тутъ Христа николи не видаю“.

5. Пеленелка молвитъ: „Ой ты, журавль, долгія блядья голени, дрясливое гузно, некресть: ты жрешь мышей и козюльки, не превозносися; какъ бѣсъ, такъ и ты“.

6. Соколъ молвитъ: „Ой вы, худые птахи! да повѣдайте вы небеса высокія; я царь царемъ, высоко летаю и птахи побиваю, и тутъ я Христа николи не видаю“.

7. Орелъ молвитъ: „Ой вы, худыя птахи! кто у васъ царь опричь меня орла?—я царь царемъ“.

8. А соколъ молвитъ: „Я у васъ окольничей“.

9. А ястребъ молвитъ: „Я у васъ бояринъ“.

10. Кочетъ молвитъ: „Я у васъ думной діакъ“.

11. Кречетъ молвитъ: „А я у васъ дворецкой“.

12. Кобецъ молвитъ: „А я у васъ стану въ гонцахъ гонять“.

13. Сусетка молвитъ: „Ой ты, конецъ, поддорожникъ, степной разбойникъ! вѣдомые вы воры съ кречатомъ,—быти вамъ обѣимъ казненымъ: воровали вы вмѣстѣ“.

14. Жаворонокъ молвитъ: „Я высоко летаю, пѣсни воспѣваю, Христа прославляю“.

15. Кокушка молвитъ: „Я есми коковала, грѣхи свои воспоминала“.

16. Чибисъ молвитъ: „Я по болотамъ сижу, всякой неправды стерегу“.

17. Куликъ молвитъ: „А я бьюся объ одномъ гнѣздѣ“.

18. Голубь молвитъ: „Что у васъ, братие, бояръ много и судѣй, да нѣкому насъ разсудить“.

19. Синица молвитъ: „Я жонка разумная и дородная, я дома сижу и васъ разсужу“.

20. Воробей молвитъ: „Ой ты, синица, блядь! не доведетца тебѣ насъ мужей судити, знай ты свой гребень да охлопки“.

21. Синица молвитъ: „Нишкни ты воробей, не почиркивай; живи ты со мною какъ твой отецъ съ моимъ отцомъ ладно живали, хлѣбъ-соль вмѣстѣ ѣдали, за одно чюжія конопли побивали“.

22. Дятелъ молвитъ: „Я себѣ теремы становлю, а николи въ хоромахъ своихъ не живу“.

23. Скворецъ молвитъ: „И мы тожъ, братие, сидимъ по темницамъ, кое по клѣткамъ“.

24. Утка молвитъ: „Такъ, скворецъ, правды ты говоришь“.

25. Агистъ молвитъ: „Охти, горе намъ! грѣшнымъ спастися, а мы не можемъ спастися“.

26. Соловей молвитъ: „Всѣ мы, братие, пересудились, а себѣ ничего не усудили; кому рай, кому мука, кому царство небесное“.

27. Гогѣль молвитъ: „Что посѣемъ, то и пожнемъ“.

28. Косткакъ молвитъ: „Пора намъ, братие, покаятися“.

29. Дроздъ молвитъ: „Покайтеся, братия, судъ при дверехъ“.

30. Берклетъ молвитъ: „Богу нашему слава и ныне и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

г)

СЛОВО О ПТИЦАХЪ,

како стали на свете жити и векъ свой провож(ати).

(Рук. П. Щукина № 52, л. 173 об.).

1. Гусь молвитъ: „Рцы, любимце мои пт(ицы), великъ у насъ Богъ на земли?“

2. Лебедь мол(витъ:) „Нетъ, великъ у насъ Богъ на небеси, (а не на) земли“.

3. Цапля молвитъ: „Я вчерась у Бога (была), со святыми и беседовала“.

4. Скопецъ м(олвитъ:) „Чеплавица, чему ты хвалишися?“

5. Ра(Чайка?? молвитъ:) „Ты у бѣса была, а не у Бога“.

6. Ласка молвитъ, перья свои перебираючи: „Ахти, лгутъ!“

7. Утка (мол)витъ: „Такъ, такъ: есть хотя ма(лая) птичка, а правду речетъ“.

8. Чижикъ мол(витъ:) „А что у насъ Господь Богъ доброе сотворилъ?“

9. (Коростель?) молвитъ: „Мне видно была, какъ Христа жи(ды) распинали“.

10. Дроздъ молвитъ: „И я виделъ, ка(къ) Июда Христа продалъ на распятіе за три(дцеть) сребреникъ, а купилъ себе тму“.

11. Воронъ м(олвитъ:) „Не замай, кровь на кровь будетъ“.

12. С(оловей?) [1]) молвитъ, (весело?) спеваючи: „Послушете, птичка ...Господь воскреснетъ, всему подаетъ радость“.

13. Орелъ молвитъ: „Я*

---

[1]) *А. Яцимирскій читаетъ:* С(околъ).

III.

а)

ЧИНЫ НА МОРИ РАЗНЫМЪ ВЕЛИКИМЪ И МАЛЫМЪ ПТИЦАМЪ.

(Рук. Имп. Публ. Библ. О. XVII. № 17).

Царь на море сизой орелъ,
Царица—белая колпица,
Павлинъ на море воевода,
Малыя павлята—то на море воеводския дети.
Лунъ на море архимандритомъ,
Дьякъ на море попугай,
Кречетъ на море подъячимъ,
Белой кречетъ на море владыка,
Белой колпикъ на море епископъ,
Черной воронъ на море ігуменъ;
Грачи на море старцы,
Галочки на море черницы,
Ласточки на море молодіцы,
Косаточки на море красъныя девицы.
Лебѣди на море князья,
Серыя гуси на море бояра,
Селезни на море дворяна,
Малыя чирята—то на море пашенныя крестьяна,
Пелепелки—то на море поповы женки,
Жаворонокъ на море дьякъ,
Скворецъ на море певчей,
Соловей на море псаломшикъ,
Старой пелепелъ на море трапезьникъ,

Синица на море просвирня,
Зяблица на море вдовица,
Плишка на море сиротинка,
Чижъ на море гостиной сотни торговой,
Гость на море щегленокъ,
Гостиная жена сорока,
Цветное платье носитъ,
Бодрую поступку учиняетъ,
Она же блядь, курва і волочайка;
Кокушка на море ворожейка,
Она же бабушка і повитушка:
По дворямъ летаетъ,
Робятъ повиваетъ;
Корьшунъ на море лекарь:
Армейской дохтуръ летаетъ,
Цыплятъ хватаетъ,
Темъ сытъ пребываетъ.
Ворона воровка,
Она же бладь, курва і волочайка,
Днемъ летаетъ по дорогамъ,
А ночью по гумнамъ.
Скопа на море еретица,
Сова боярыня высокия
Брови по якутски,
Глаза с проволокой,
Соколъ разбойникъ:
Лебединое стадо розбиваетъ,
Горючую кровь проливаетъ,
Темъ сытъ пребываетъ.
Куликъ на море перевощикъ,
Дятелъ на море плотникъ,
Стерхъ на море мелникъ,
Мелнишной строитель.
Чеглокъ на море целовальникъ,

Бакланъ на море водолазомъ:
В' воду лазитъ, рыбу хватаетъ,
Живую глотаетъ.
Рыболовы на море мартышкі
Купецкия люди на море казарки.
Зуйки на море казаки.
Голуби на море салдаты,
Петухъ індейской на море началникъ.
Аистъ на море полицеместеръ,
Вихоръ на море есауломъ.
Зуй на море маиоромъ,
Клюй на море адъютантомъ.
Потатуй на море капитаномъ,
Чечетка на море капитанша,
Снигирь на море порутчикъ,
Анпура на море прапоршикъ.
Жолна на море лантратомъ.
Ястрепъ на море губернаторомъ.
Журавль на море камісаромъ
Петухъ на море сержантомъ.
Курупашка на море капраломъ.
Гагара на море рудометка.
Дроздъ на море ѳульеръ.
Глухарь на море ефретуръ.
Воробышекъ на море прохвостомъ.
Дергачъ на море барабаньшикъ.
Полуношникъ на море сиповшикъ.
Рябчикъ на море гранадчикъ.
Вышь на море трубачеемъ.
Стрижъ на море навигатуръ.
Ремезъ на море штурманъ.
Щегленокъ на море шкипаръ.
Сычъ на море боцманъ.
Турпанъ на море ничманъ.

Кедровка на море конопатьчикъ.
Ронжа на море пределшикъ.
Ѳилинъ на море команьдоромъ.
Чайка на море командорша.
Мартышки на море швардоньцы.
Чегравы на море гранадеры.
Иволги на море кананеры.
Серыя мартышки на море баталионцы.
Селезни на море драгуны.

Конецъ.

б)

«Изъ рукописнаго сборника въ Твери».

Протекало теплое море,
Слетались, садилися птицы рядами,
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу синицу:
Ой ты еси малая птица!
Скажи ты намъ истинную правду:
Кто у васъ на морѣ большія,
Кто у васъ на морѣ меньшія? —
Сказывала малая птица,
Малая птица синица:
Ой вы еси русскія пташки,
Русскія пташки неразумныя!
Всѣ у насъ на морѣ большія,
Всѣ у насъ на морѣ меньшія:
Орелъ на морѣ воевода,
Перепелъ на морѣ подъячій,
Пѣтухъ на морѣ цѣловальникъ,
Журавль на морѣ подвозникъ,
То-то долгія ноги!

То-то французское платье!
По овсяну зерну ступаетъ.
Медвѣдь на морѣ кожевникъ,
Волкъ на морѣ овчинникъ,
Заяцъ на морѣ бумажникъ,
Шмель на морѣ рукавишникъ,
Чижъ на морѣ живописецъ,
Аистъ на морѣ портной мастеръ,
Совушка на морѣ графиня:
То-то высокія брови!
То-то умильные взгляды!
То-то хорошая походка!
То-то желты-желты сапожки!
Съ ножки на ножку ступаетъ,
Высокія брови подымаетъ.
Гуси на морѣ бояре,
Утята на морѣ дворяне,
Воробьи на морѣ холопы:
Вездѣ воробейко срывается,
Битъ воробейко не бываетъ.
Лебеди на морѣ князи,
Лебедушки на морѣ княгини,
Бѣлка на морѣ трубачомъ,
Рыболовъ на морѣ каретникъ,
Бѣлица на морѣ цапля.
Кокушка пирожна лапушка,
Чечетъ на морѣ торговой,
Куликъ на морѣ разсыльщикъ,
Воронъ на морѣ игуменъ,
Живетъ всегда поза(дь) гуменъ,
Грачи на морѣ старцы,
Галочки на морѣ старички,
Ласточки у насъ молодочки,
Косаточки красныя дѣвушки;

Красная харя—ворона,
Зимой ворона по дорогамъ,
Лѣтомъ ворона по застрѣхамъ;
Дятелъ на морѣ плотникъ:
Всякое дерево долбитъ,
Хочетъ храмъ срубить,
Въ коемъ бы намъ было жити;
Соколъ на морѣ наѣздникъ:
На всяку птицу наѣзжаетъ,
Грудью онъ всяку побѣждаетъ;
Сорока у насъ щеголиха:
Безъ калача ѣсть не садится,
Отъ всѣхъ особо становится,
Безъ сладкого меду не вставала,
Вставши отвѣту не давала,
Пѣшая къ обѣду не ходила:
Все бы ей въ колымажкахъ,
Все бы ей въ коляскахъ,
Все бы ей кареты золотые,
Все бы ей кони вороные,
Все бы ей лакеи молодые,
Все бы молодые, холостые.
Бѣдная малая птица,
Малая птичка синичка!
Сѣна косить не по силѣ,
Стадо водить не умѣетъ!
Бѣдная малая птица,
Скудная птица синица!
Мы тебя такъ выхваляемъ
И всею похвалою скончаемъ.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ.

а = я: прасти 10.40, бладь 19.19.
але 10.36; 11.55, въ малор., польск. ale, значитъ: но.
борозною 11.57.
броварныку 10.41; въ малор., польск. browarnyk, значитъ: пивоваръ.
в = у: вже 11.49; врадами 12.77.
вирей 10.46: дверей?
врадами 12.77, см. урадъ.
двигунко 8.4.
дрясливое 15.5; вѣроятно съ тѣмъ же значеніемъ, что и: трясогуска.
закуптѣлій 10.41: закоптѣлый, черный, эѳіопъ?
карано 9.24; въ малор., польск. karać, значитъ: наказывать; смыслъ фразы: и насъ бы не наказывали.
ковала 11.49; коковала 16.15.
козюльки 15.5; въ малор., польск. koziułka, значитъ: большой комаръ, долгоножка.
мордовали 8.11; въ малор , польск. mordować, значитъ: убивать.
обцовала 11.49; въ малор., польск. obcować, значитъ: имѣть связь, знаться.
огровне 12.67; огромне? польск. ogromnie: страшно.
п = б: пивали 10.42.
пекла 9.17; 10.32—35; въ малор., польск. piekło, чешск. peklo, значитъ: адъ, геенна, преисподняя, тьма кромѣшная.
плюсовая 8.4, вѣроятно съ тѣмъ же значеніемъ, что и: плюгавая.
почичиркуй 10.41; почиркивай 13.5; 16.21.
праца 11.57; въ малор., польск. praca, чешск. (pracza) práca, значитъ: трудъ, работа.
спокутовала 11.49; въ малор., польск. pocutować za grzechy, значитъ: каяться въ грѣхахъ.
справовати 10.37; въ малор., польск. prawować się, значитъ: судиться, тягаться.
сукня 12.72; въ малор , польск. suknia, значитъ: одежда, платье.
урадъ 12.74—76; въ малор., польск. urząd, чешск. úřad (wradie, w rzadie, v úřadé), значитъ: чинъ, должность, званіе.
ховаются 12.73; въ малор., польск. chować się, значитъ: прятаться.
хыба 9.24.30; въ малор., польск. chyba, значитъ: развѣ, исключая, кромѣ, если; въ первомъ случаѣ оно соотвѣтствуетъ, повидимому, термину: непремѣнно, а во второмъ термину: а только.
цнотогивіи 10.42; въ малор. цнота, польск. cnota значитъ: добродѣтель; cnotliwy, доблестный.
чеплавица 17,4.
човна 11.47.
шкоду 11.55; въ малор., польск. szkoda, значитъ: ущербъ, убытокъ, вредъ.
ы = и: забывали 9.24.25; пытаю 11.53.